

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ММ БОРИС
АННЫ

18+

Борис Башутин

Дом Анны

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Башутин Б. В.

Дом Анны / Б. В. Башутин — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Многообразные произведения в прозаическом жанре "драма для чтения". Ироничные, философские, религиозные и криминальные драмы из современной жизни. Драмы-антиутопии. Произведения написаны в 2009 - 2011 годах. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Только она
(посвящение Лидии Байрашевской и Олегу Рыбкину)

**Фантазия с элементами иронии,
сарказма и абсурда**

Действующие лица:

Петр – режиссер, сценарист, снимает кино, 35-40 лет.

Роман – его брат, высокий, худощавый, молодой интеллеktуал-маргинал, пишет рассказы, 26-28 лет.

Татьяна – жена Петра, 30-32 года, женщина-«поток сознания», художник.

Лидия – актриса, около 45-50 лет.

Яна – ее дочь, 17-20 лет.

Борис – поэт, сценарист, 40-45 лет.

Действие первое

Картина первая

Комната в старом питерском доме: высокие, несколько обветшалые потолки, стены со старыми, но красивыми обоями, старый антикварный диван, мебель не новая, но подобрана со вкусом, современный телефон на красивом столике. Утро. Освещение комнаты естественное. Приглушенное. Очевидно, поздняя осень. Шторы раскрыты. Женщина стоит у окна спиной, смотрит на улицу. За окном идет мелкий снег. Женщина высокая, стройная. В длинном темном платье, волосы заколоты на затылке. Берет с подоконника сигареты – тонкие, женские, и спички. Легким движением достает сигарету, закуривает. Выпускает в открытую форточку струйку дыма. Медленно поворачивается к сцене. Стоит в пол-оборота, по-прежнему поглядывая в окно. Курит. Начинает напевать. Тихо, но отчетливо.

Лидия (напевает):

– Вы стояли в театре, в углу, за кулисами, а за Вами, словами, звеня, парикмахер, суфлер и актеры с актрисами, потихоньку ругали меня...

Подходит к дивану. Садится. Свободно и непринужденно. Но чувствуется ее внутреннее напряжение, ожидание чего-то.

Лидия продолжает напевать:

– Вы сказали, послушайте, маленькой, можно мне вас тихонько любить...

Тушит сигарету в пепельнице, стоящей на придиванном столике.

Звонит телефон. Лидия реагирует не сразу.

Поднимает трубку.

– 225 21 31?

– Да.

– Трубочку не вешайте, вас Искитим.

Другой голос:

– Алло, это Тамара?

– Нет, здесь нет такой.
– Это квартира?
– Конечно, это квартира.
И гудки... На другом конце положили трубку.

Лидия в недоумении тоже кладет трубку. Произносит вслух:
– Позвонили совсем не туда. Я совсем не Тамара.

Возвращается на диван. В комнату входит девушка лет 17, она в халате, только что проснулась. Растрепанные волосы. Садится рядом.

Яна: – Привет.

Лидия: – Доброе утро.

Яна: – Кто звонил в такую рань?

Лидия: – Странный звонок. Представляешь, звонили из Искитима.

Яна: – Искитим? (морщится)

Лидия: – Да, ты знаешь, где это?

Яна: – Ну, это какая-то деревня или поселок, там, где мы раньше жили.

Лидия: – Именно. И бросили трубку. Спросили Тамару.

Яна: – Дичь какая-то.

Лидия: – Мне скоро в театр. На репетицию.

Яна: – Мам... Как тебе тут?

Лидия: – Ты уже как-то спрашивала...

Яна: – Ну, все-таки.

Лидия: – Я вовремя уехала оттуда.

Яна: – Но тут пока все очень неопределенно.

Лидия: – Хочешь поговорить? (улыбается и слегка усмехается). Задаешь такие многозначительные вопросы в такую рань?

Яна: – Ну, не знаю. Просто спросила.

Лидия: – Ты знаешь, я давно хотела объяснить тебе кое-что, чтобы ты меня поняла. Ну, или попыталась понять. Я тебе очень благодарна, что ты просто доверилась мне и поехала со мной в полную неизвестность. Слава Богу, что школу ты уже закончила.

Яна: – Просто я люблю тебя, мама и все.

Лидия (обнимает ее за плечо): – Последние четыре года я знала, что мне нужно переехать. Просто знала. Хотя у меня никаких даже целей не было. Я приезжала сюда каждый год, заставляла себя полюбить этот город и никак не могла, ничего не получалось. И в какой-то момент я сказала себе: «Все, пора». Любви и желания не было, но я знала, что, только живя тут, я увижу себя по-настоящему, как человека, и как актрису. Понимаешь?

Яна (смеется): – Наверное, я тупая. Или еще мала.

Лидия: – Разыгрываешь?

Яна: – Пытаюсь понять...

Женщины смотрят друг на друга. Улыбаются.

Лидия: – Первую неделю я страшно мучилась. Просыпалась утром с мыслью – что я наделала! Я приехала начинать с такого нуля... Мне уже столько лет. К обеду мне становилось уже не так страшно, а чуть позже я говорила себе: «Лидя, этот переезд – самое лучшее, что ты сделала в этой жизни».

Яна: – Знаешь, я иногда живу и поступаю, как собака. Когда она заболит, она идет и ищет нужную ей травку, или следует какому-то своему шестому собачьему чувству в сложной

ситуации. Так вот. Ты – моя мама, а я твоя дочь. И ты поступаешь также. Точнее я поступаю так, как ты.

Лидия: – Забавное сравнение. Мне нечем доказать, что я поступила правильно. Я просто чувствую, что это было правильно. Просто все изменилось... Довольно скоро. Там мне не хватало кислорода. Я думала, что, переехав сюда, я обрету дыхание. Благодаря новому городу, театру, людям, каким-то вещам.

Яна: – А мне тут гораздо лучше, чем там. Помнишь, когда мы ехали, бабушка сказала, что там климат для беглых каторжников, особенно осенью и зимой. И ведь она права... Но тут что-то витает такое в воздухе. Какой-то особый газ (смеется).

Лидия тоже смеется.

Лидия: – Надеюсь, что он безопасный. Я все-таки хочу договорить до конца. Иначе я забуду, что хотела сказать. А мне важно высказать это до конца....

Замолкает, пытаясь ухватить нить разговора. Вспомнить, на чем остановилась.

Лидия: – Понимаешь, вдруг оказалось, что дело было во мне. Я не могла дышать, потому, что мои легкие были забиты. И тут как будто вдруг какую-то пробку вышибло, я и поняла себя и этот Мир. Я знаю, что это только начало, но прежней я уже не стану. Сейчас я словно на пороге в этот Мир. Все, что я копила в себе эти годы. То, что своими ролями создавала там, внутри. Это наконец-то вырвалось наружу. Я перед открытой дверью в Мир, какой он есть. Я теперь делаю первые шаги через порог. Мне кажется, что теперь я вижу реальность. Без иллюзий. Раньше я жила иллюзиями. Не мечтами, а иллюзиями и сентиментальностью. Так живут, увы, многие... Там я знала, что со мной будет через пять минут, через день, через год, через двадцать лет. И мне это не нравилось. Жутко не нравилось.

Яна: – Ты так сложно всегда говоришь, так театрально. Будто ты и в жизни играешь роль.

Лидия: – Я больше не играю. Мне кажется, что я научилась разделять Театр и Жизнь.

Яна: – А я люблю мечтать... А тут мечтается замечательно. И сны тут сняты красивые. Потому что город красивый.

Лидия: – Я хотела бы, чтобы ты поняла меня. Ты самый родной и самый близкий мне человек в этом городе. Еще я жалею, иногда, что Виктора нет тут (пауза).

Яна: – Папы?

Лидия: – Ну, да.

Яна: – Но вы ведь остались друзьями. Ведь так?

Лидия: – Так. Мы больше, чем друзья. И ты знаешь, я недавно поняла, что мы внутренне очень близки. Он очень тонкий и чуткий человек, и очень умный актер. Но я СИЛЬНЕЕ, чем он. И я не могу работать с плохими режиссерами.

Яна: – А он? Он может?

Лидия не отвечает. Улыбается глазами. На сцене начинает затухать свет.

Лидия: – Хочешь, я сварю кофе?

Яна: – Ага. Ну, ты не ответила – он может?

Лидия: – Яник, иди, умывайся. Мне скоро нужно уходить.

Яна усмехается и уходит.

Гаснет свет.

Картина вторая

Кафе или закусочная.

**Петр и Роман. Роман одет небрежно. Не брит и не стрижен.
На вид лет 25. Роман – родной брат Петра.**

Роман: – А помнишь, мы жили в летнем лагере, в лесу, в большом доме на втором этаже, и я ночью стеснялся ходить в туалет, который был далеко на улице.

Петр: – Угу.

Роман: – И я спросил тебя, что делать? А ты просто взял пластиковую бутылку и срезал ей верх ножом и подал мне. Это было так просто и неожиданно.

Петр: – Ну, ты же не хотел ночью ходить в туалет, тем более ничего не было видно и фонаря у нас с собой не было.

Роман: – Я был очень тронут. И впечатлен.

Петр: – Самое интересное, что ты делал с бутылкой, когда она была наполнена? Выливал ночью с балкона в траву?

Роман: – Нет, приходилось по-тайному выносить днем.

Петр (смеется): – Может, удобнее было ходить ночью?

Роман: – Ночью было неудобно. Там крутая лестница, а за стенкой жили молодые пацаны.

Петр: – Один еще хвастался, как он соблазнил какую-то девицу. Но рассказ был какой-то неправдоподобный. Неубедительный.

Роман: – Да, понятно было, что врал.

Петр: – Мне сон приснился, знаешь, какой-то знак в нем есть, мне кажется. Помнишь, я работал в одной конторе? Ну, там, где много приходилось фотографировать. А потом, когда я уволился, где-то через год умер мой бывший начальник. Он еще раньше ушел на пенсию. И вот мне снится как будто кабинет. Но не его кабинет, другой. Но вроде как его. Я нахожу в старом столе его часы и записную книжку. Открываю книжку, почерк его, но у него никогда такой книжки не было. И что там написано, я не запомнил. А вот часы. Тоже его, но у него никогда таких не было. Они дорогие, продолговатые, из серебристого металла. А ремешок синтетический, и почему-то натянут наоборот, очень плотно и закрывает циферблат. Я хочу посмотреть, сколько время и дату, но вижу только секундомер, маленький в круглом окошечке, сбоку, а весь циферблат закрыт. И я не могу поднять ремешок. И такая досада, что я не могу узнать ни дату, ни время. И сон обрывается.

Роман: – Может помянуть его надо?

Петр: – Не знаю. Вот такой сон. И он не забывается. Как там мать-то? Как сам?

Роман: – Я вчера очень плохо себя чувствовал, и когда проснулся, ужасно болела голова. Попил воды, лёг, уснул, проснулся через два часа. Состояние ещё хуже. Голова просто разрывалась.

Петр: – Пил что ли?

Роман: – Да выпил совсем немного. Отравился видно. Тошнота накатывала, считай, каждые пять минут. Опять попил воды. Включил телевизор. А там тошнит меня по всем каналам, тошнит меня на каждом канале. Всё что показывают, никак меня не поправляет, мне только хуже. Пошел я в ванную, и меня вырвало в раковину. Я вернулся в комнату и начал писать рассказ, а тут зашла мама и спросила, не болит ли у меня шишка сзади. Я ее переспросил – «В жопе? ». Она сказала: «Да». Я сказал, что не болит, а чешется. Она сказала: «Странно», посмотрела на стену и вышла. Ну, как? Я ответил на твой вопрос?

Петр: – Ты всегда отличался оригинальными ответами. А мать – вопросами. А я вот в Питер улетаю.

Роман: – Что-то связано со съемками?

Петр: – Ну, вроде того. Ты мой сценарий читал?

Роман: – Как баба ушла от мужика к бабе?

Петр: – Это не последний.

Роман: – Редкая чушь.

Петр: – Ну, спасибо, брат.

Роман: – А кто тебе еще правду скажет? Все хотят успеха, славы, удачи, а настоящим творчеством кто-нибудь занимается? Правда, меня удивляет, как можно организовать весь этот процесс съемки фильма? Это для меня непомерно сложно. В этом плане ты для меня загадочная личность.

Петр: – Ну, это была проба. Первый шаг. Это тоже творчество. Просто первый шаг всегда трудный. Ты мог бы быть более снисходительным ко мне. Я же твой брат (улыбается).

Роман: – Даже первый шаг должен быть настоящим. Это пока ремесло с элементами творчества. История-то о чем? Да ни о чем, в общем. Ты знаешь, меня вот что интересует: когда прекратят снимать эти грёбаные фильмы про всяческих агентов, шпионов. Это уже достало. Я все время об этом думаю...

Когда же это кончится?

Петр: – Людям это интересно. Это развлекает. Интригует. Увлекает. И снимать это будут.

Роман: – Ну, да увлекает. Если ты еще не совсем debil, тебя это не увлекает. Мне надоело это однообразие. Дома эти, как обелиски, туннель под железной дорогой, реки из талой воды и запах затхлости. Тоска витает в воздухе, воздух так и пропитан обречённостью. Ничего здесь не произойдёт. Никогда. Вот снимут фильм про реальную жизнь, что с людьми происходит, что бывает на самом деле. Как люди любят и умирают. Один, блядь, за год снимут фильм, и то каким-нибудь европейцем, или латиносом, снимут в своей загнивающей стране и сразу дают свою тупую кинопремию. И половине актёров тоже эти статуэтки дают. И важные такие, блядь, обсуждают, какой они мегаоухеннейший фильм сняли. Какой он трогательный и честный. Именно такого нам не хватало. Вот он – наш продукт. Лучший в мире. А шпионам разным там, про войну мы дадим статуи за спецэффекты, лучшие роли второго плана и художнику по костюмам. Да... И художнику по костюмам. Потому что эти фильмы тоже почти шедевры.

Петр: – Я пытаюсь сейчас снять настоящее кино. Точнее не сейчас, а чуть позже. Сейчас готовимся. Борис написал сценарий. Опять же спонсор нужен.

Роман: – Надеюсь, что он будет что надо?

Петр: – Спонсор?

Роман: – Фильм, какой к черту спонсор? Или опять про то, что кого-то надо простить, хрен знает зачем, и страдать от того, что от тебя ушла баба к другой бабе?

Петр: – Мне кажется ты не прав. Пару новелл там получилось неплохих.

Роман: – Может быть. Я ведь не видел. Я ни сразу вспомню фильмы, которые произвели на меня впечатление. То есть я их помню, но их очень мало. Помнишь “Карлик-нос” ГДРовский. Это и фильм-то не настоящий был, как спектакль он выглядел, ну, то есть, как будто в павильоне его сняли, потому что я помню, что там не было живых пейзажей, там архитектуру никакую не показывали и природу. Декорации. Я это помню хорошо, но сколько мне тогда было – не помню. Может лет пять. Ну, так вот, это было первый раз, когда я жутко испугался. Карлик в моём мозгу засел навсегда. Этот ёбанный карлик. Он везде был, в шкафу, под кроватью, в тёмном коридоре. И сейчас он там же...

Петр: – Ты знаешь, я его еще раньше смотрел. И тоже боялся. Жуткий фильм, для меня покруче любого фильма ужасов. Фильм-спектакль.

Роман: – А дальше был еще фильм “Выше радуги”. Здесь я впервые влюбился. Та тётка, которая сделала, чтобы главный герой мог высоко прыгать, ну там, фея что ли или кто она там, я её очень любил. Я думал, что женщина должна быть именно такой и никакой другой. И я всегда о ней помнил и помню сейчас. Она максимально недоступная, она фея и меня это ещё больше притягивало. Недоступность и страх – вот составляющие всей моей жизни. Всегда хотеть то, чего никогда не получишь и безумно бояться это потерять.

Петр: – Ты сегодня так откровенен. А этот кофе как помои. И еда – ее нельзя есть.

Роман: – Я просто хочу, чтобы мой брат снимал настоящее кино. А не бред, который снимают все вокруг. Я сейчас читаю книгу Генри Роллинза. Он в ней пишет стихи. Я пока читал, написал стихотворение и посвящаю его ему. Послушай (достаёт листок бумаги).

Где вопросов стаи роятся в моём убежище
Мир не сошёл с ума
Плоть гниёт не в земле. Дыхание мертво
Кто спросит? Кто ответит?
Утратив себя, оставляю надежду.
Там, где щелчок, вырывающий сознание,
Дыши пустотой. Твои внутренности уже в узле
Проклинай мечты, не верь пророкам.
Вырывай сердце близких, жги их воспоминания
Кто помнит – тот забудет
Твои вены нитки. Твоя кровь пустяк
Возьми её, возьми, как мать брала тебя
Лживый шёпот. Вода смывает пороки.

Затемнение.

Картина третья

Интерьер из первой картины

Лидия сидит на диване. Она читает книгу. Вечер. Горит торшер. Звонок на двери не работает, кто-то стучит в дверь. Не сильно, не громко, но настойчиво.

Лидия встает, кладет книгу на столик, идет к двери.

Лидия: – Кто там?

Голос за дверью: – Даже не знаю, как сказать, но я приехал к Вам. Я от Виктора.

Лидия: – От Виктора? Он ничего мне не говорил, не звонил, не предупредил.

Голос за дверью: – Меня зовут Петр. Я думаю, что Витя очень занят, и очевидно, не успел позвонить вам. К тому же я не был уверен до конца, что зайду к вам. Я давно тут. Не бойтесь, прошу Вас... Я режиссер. И хороший знакомый Вашего мужа.

Лидия: – Ну, что же... Если вы друг Виктора...

Открывает дверь.

В комнату входит мужчина. Он почти ровесник Лидии, но выглядит молодо. Одет стильно. Дорогой костюм. Без галстука. Белая рубашка. Пальто из чистой шерсти. Крепкий. Коренаст. Снимает шляпу – лысый. В руках небольшой букет цветов и бутылка вина в бумажном пакете.

Петр: – Здравствуйте, извините за вторжение. Уже вечер, но вас так трудно застать, а в театр я не решился зайти и искать вас там. Прошу простить меня великодушно.

Лидия: – Да что вы. Я не занята. Снимайте пальто. Вот вешалка. Проходите.

Петр: – Цветы – это вам (улыбается).

Лидия: – Спасибо. Это так неожиданно и приятно. Пойду, поставлю в вазу.

Петр (снимает пальто, вешает пальто и шляпу на вешалку): – Вы уж простите. Так получилось. Виктора я видел больше месяца назад, он и позабыл, наверняка, что я могу зайти к вам.

Лидия наливает воду, ставит цветы в вазу на столик у дивана. Жестом приглашает сесть на диван. Петр очень деликатен. Садится на диван. Вынимает вино из пакета, ставит на стол. Вопросительно смотрит на Лидию?

Лидия: – Я не пью. Завтра опять репетиция с утра.

Петр: – Ну, разве чуть-чуть? Это сухое вино.

Лидия: – Если чуть-чуть, за знакомство. Право, я не помню вас, хотя я, конечно, не могу знать всех друзей моего бывшего мужа.

Петр: – Бывшего? (удивленно).

Лидия: – Ну, даже странно, что вы не знаете. Вы давно в театре? Или...

Петр: – Я не театральный режиссер. Я не знаком со всей этой театральной жизнью. И мало знаком с этой...тусовкой. Хотя многих актеров знаю лично. Просто я так понял, что вы в силу некоторых причин не живете вместе и все... Впрочем, я не люблю лезть в чужую жизнь. Давайте оставим эту тему. Хорошо?

Лидия: – Меня она не смущает вовсе. Мы уже много лет не живем. Но как хотите.

Петр: – У вас есть штопор? Бокалы?

Лидия: – Минутку.

Уходит, приносит штопор и два бокала. Фрукты, сыр. Падают штопор. Петр благодарно кивает головой. Открывает бутылку. Наливает по чуть-чуть.

Петр: – Ну, я буду краток. За неожиданную встречу и за знакомство.

Чокаются. Фактически оба слегка пригубили и поставили бокалы.

Лидия: – Я так понимаю, что вы ко мне по какому-то делу. Или с каким-то предложением?

Петр: – Вы умная женщина. И проницательная (улыбается).

Лидия: – Я пока не сказала ничего умного (смеется). Любопытно конечно. Когда я жила там, откуда вы приехали, со мной, обычно, ничего не происходило. И неожиданных знакомств, как это, не было. Хотя...(задумывается). Нет, все же не было именно таких встреч... Но вы понимаете, я занята сейчас в театре и не представляю, что вы можете предложить, чтобы я нашла возможность работать с вами... Впрочем, я пока не знаю ничего...(улыбается). Вы мне расскажете?

Петр: – Да, конечно. Я планирую снимать фильм. Кино. Вы же снимались в фильмах? Я читал, что у вас есть опыт работы в кино.

Лидия: – Немного. Но у меня есть одно правило. Ваша история должна быть ВЕРТИКАЛЬНОЙ.

Петр: – Вертикальной?

Лидия: – Именно так.

Петр: – Вы мне объясните, что это значит?

Лидия: – Понимаете, Петр, для меня театр – метод познания мира. Вы согласны с таким утверждением?

Петр: – ???

Лидия: – А что для вас кино? Увлекательная история? Неожиданные повороты? Что-то броское и шокирующее? Я видела Ваши фильмы?

Петр: – Думаю, что не видели. Я снял пока один фильм, и его еще нет в прокате. Для меня важно многое. В настоящий момент меня интересуют взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Впрочем, меня они интересовали всегда.

Лидия: – Обычно они волнуют тех, у кого эти отношения за много лет так и не сложились. И выхода они не нашли. И ответов на вопросы. Мне сложно поверить, что сценарий ваш идет ВВЕРХ, а не растекается в бытовом плане?

Петр (смеется): – Трудно сказать. Я могу дать Вам прочесть его. Для этого я сюда и пришел.

Лидия: – Вы в кино рассказываете о себе и о своем пути? О своем опыте? Верно? А ВЕРТИКАЛЬНАЯ история, это разговор о том, что такое человек, что такое Мир. И это рядом с вечностью и с Богом.

Петр: – Вы ставите меня в тупик.

Лидия: – У меня был опыт работы с плохим режиссером. Упаси Бог, я не имею в виду вас, и не знаю, что вы за режиссер. Работать с ним это все равно, что человек родился, а ему не дали ни земли, ни неба, а ноги и душу – дали. На чем ему стоять, куда смотреть? Просто непонятно, для чего это все, это просто жизнь без жизни. Я должна понимать, по какой дороге иду, а когда дороги нет, я как кукла, подвешенная под потолком.

Петр: – Я очень надеюсь, что дорога будет. И небо тоже.

Лидия: – Вы знаете, сейчас такое странное время. Новые режиссеры все чьи-то ученики. И все каких-то мастеров. Мастера своим ученикам не открывают секретов, где можно найти ЖИВУЮ воду, а только учат делать сосуды, горшки. И что мы видим? Множество горшков – красивых и разных – но из них нельзя напиться, потому, что они пусты. Вы понимаете, о чем я? Или вода в этих горшках МЁРТВАЯ.

Петр: – Я, честно говоря, не ожидал такой беседы. И не был готов к ней (улыбается). Это неожиданно для меня. Но я не являюсь чьим-то учеником. Только если отчасти. Я пока ориентируюсь в своей работе на то, что актеры помогают мне. Мне кажется, что режиссер задает направление, в котором нужно двигаться. Он берет перо и показывает свой почерк, которым нужно воплощать его замысел. А актер пишет уже свое, но пытаюсь соответствовать этому почерку. Моя же задача – выложить дорогу, по которой идет актер. Дорога – это мой замысел.

Лидия молчит.

Лидия: – Интересно. Давайте Ваш сценарий. Но я ничего не обещаю.

Петр идет к вешалке, достает из пальто свернутые пополам листы бумаги. Протягивает.

Петр: – Вот. Я готов выслушать после прочтения ваше мнение и принять критику (улыбается). Собственно говоря, фильм будет сниматься не скоро, поэтому у вас есть время прочесть, обдумать и принять решение.

Лидия: – А кто моя героиня?

Петр: – Актриса, которая приехала в новый город на новое место, будучи уже состоявшейся в известном театре. Вы это легко поймете.

Лидия: – Это про меня?

Петр: – Не совсем про Вас, но... Я хотел бы, чтобы вы прочли.

Лидия: – Хорошо (пауза). Значит, Виктора вы видели давно?

Петр: – Да. Но я знаю, что у него несколько главных ролей. И очень успешных.

Лидия: – Я рада. И не сомневалась в этом. Его вы тоже пригласили в фильм? И еще можно вопрос? Почему я? Мое имя давно не на слуху. Совсем.

Петр: – Виктора – нет. Ну, просто нет. А вы... Это вероятно банально, но я восхищен ваши ролями в театре.

Лидия: – Как будто вы еще и поклонник?

Петр: – Выходит, что так.

Лидия: – Но кино это совсем не театр.

Петр: – Да, но у меня есть опыт работы с театральными актерами в кино.

Лидия: – Понятно. Наверное, это очень даже хорошо.

Петр: – Извините, я зашел буквально на несколько минут, и уже мне пора идти. Разрешите, я навещу вас ровно через неделю? Вы успеете прочесть? Хотя бы часть?

Лидия: – В это же время?

Петр: – Если позволите.

Лидия: – Сейчас подумаю. Да... Вечер будет свободен. У вас есть мой телефон?

Петр: – Виктора дал мне.

Лидия: – Все-таки позвоните накануне.

Петр: – Хорошо.

Лидия: – Пойдемте, я провожу вас.

Петр одевается.

Петр: – До свидания. Всего доброго. Я надеюсь, что мы увидимся.

Лидия: – До свидания. Обязательно позвоните. Я постараюсь прочесть.

Петр уходит. Лидия садится на диван. Задумывается.

В комнату входит Яна.

Яна: – Кто приходил?

Лидия: – Удивительная история. Приходил знакомый отца.

Яна: – Правда?

Лидия: – Зачем мне шутить? Принес вино, цветы и сценарий фильма.

Яна: – Фильма? Но ты же не снимаешься в кино.

Лидия: – Ну, несколько раз снималась.

Яна: – А ты его знаешь? Раньше знала?

Лидия: – Нет, впервые вижу.

Яна: – И ты ему сразу открыла дверь ипустила?

Лидия: – А что ты думаешь, он бандит?

Яна: – Ну, пускать незнакомца в дом в наше время – опасно.

Лидия: – Я не думаю, что человек, который представляется другом твоего отца, какой-то преступник (улыбается).

Яна: – И как он выглядит?

Лидия: – Могла бы выйти и посмотреть.

Яна: – Да мне как-то стеснительно....

Лидия: – Когда тебе надо, ты особо не стесняешься. Выглядит хорошо. Действительно похож на режиссера. Но к театру никакого отношения не имеет. Сказал, что снял всего один фильм.

Яна: – Ты спросила, что за фильм?

Лидия: – Ничего я не спрашивала.

Яна: – Ты странная.

Лидия: – Ну, какая разница? Прочту сценарий и пойму, что это за человек. И что за фильм.

Яна: – Ты телефон у него взяла, как зовут, узнала?

Лидия: – Петр. У него есть наш телефон.

Яна: – Здорово. Прозвонит, узнает, когда нас нет дома, и вынесет все.

Лидия: – Что за ерунду ты несешь? Зачем он тогда приходил? Чтобы показать свое истинное лицо?

Яна: – Понятно, что ничего непонятно. Ты сценарий смотрела?

Лидия: – Нет, он только что ушел.

Звонит телефон. Лидия берет трубку.

Голос в трубке (Виктор): – Лидочка, привет! Как ты, как Яночка?

Лидия: – О, Виктор, удивительно, сегодня вспоминали тебя, и только что заходил твой друг. Удивительно совпадение.

Голос в трубке (Виктор): - Друг? Какой друг?

Лидия: – Петр. Режиссер.

Виктор: – Я не знаю никакого Петра.

Лидия: – Ну, как не знаешь, он сказал, что у тебя несколько главных ролей, и успешных.

И видел тебя месяц назад.

Виктор: (на другом конце тишина, молчит, обдумывает) – Лида, я с трудом могу понять, о ком ты...

Лидия: – Петр, режиссер. Снимает фильмы. Кино.

Виктор: – И что он представился от меня?

Лидия (нервно): – Да. Оставил сценарий.

Виктор: – Возможно, я встречался с кем-то из режиссеров, но у меня нет ни друга, ни хорошего знакомого по имени Петр. Как он выглядит?

Лидия: – Он хорошо одет. Лысый.

Виктор: – Лысый?

Лидия: – Да. Чуть младше меня.

Виктор: – Ну я подумаю, может вспомню. Спрошу в театре. Лысый режиссер Петр.

Лидия: – Ты меня пугаешь.

Виктор: – Ты пустила его домой?

Лидия: – Ну да. Но вот же, сценарий он принес. Цветы, вино.

Подожди.

Кладет трубку, подходит к столику – берет листки бумаги. Яна испуганно смотрит на мать. Разворачивает первый лист.

Подходит к телефону, снова берет трубку.

Лидия: – Виктор? Ну, вот же сценарий.

Лидия начинает читать: – «Комната как будто в старом питерском доме, высокие несколько обветшалые потолки, стены со старыми, но красивыми обоями...»

(замолкает), пробегает глазами дальше, читает:

«Звонит телефон. Лидия реагирует не сразу.

Поднимает трубку.

– 225 21 31?

– Да.

– Трубочку не вешайте, вас Искитим»

Яна открывает широко глаза и рот... Лидия в недоумении, страхе и удивлении замолкает. Опускает руку со сценарием.

Виктор: – Лида, что там у вас происходит, что случилось?

Лида (переведя дух): – Виктор, извини, перезвони, если сможешь завтра. Тут такое странное дело...

Виктор: – Да что же там у вас? Яна здорова? Все нормально.

Лидия: – Все здоровы. Извини. Пока.

Кладет трубку.

Садится рядом с Яной.

Яна: – Мама, там написано что-то страшное?

Лидия: – Понимаешь, какой ужас, там написано все, что я делала сегодня утром. И даже что напевала. И описана наша квартира. И про этот звонок из Искитима...

Яна: – Мамоchка (обнимает мать), мне чего-то страшно.

Лидия: – Мне самой не по себе, дочка.

Яна: – Надо прочитать сценарий до конца.

Лидия начинает разбирать страницы. В комнате начинает гаснуть свет. Лидия смотрит и пытается разобрать текст, комната погружается во тьму.

Картина четвертая

Интерьер из первой картины первого действия. Неделя спустя.

Лидия заметно нервничает. Ходит по комнате. Садится, встает. Идет к двери. Возвращается. Она ждет Петра. Приближается назначенное время. Петр не звонил накануне. Сценарий лежит на столе. Стук в дверь. Лидия бежит к двери.

Лидия: – Петр, это Вы?

Петр: – Да, я. Не смог позвонить заранее.

Лидия открывает дверь. Входит Петр.

Петр: – Вы позволите?

Лидия: – Давно жду.

Петр снимает верхнюю одежду, проходит в комнату, вопросительно посмотрев на Лидию. Лидия кивает.

Петр: – Как вы думаете, есть в сценарии вертикаль? (усмехается)

Лидия: – Вы подтруниваете надо мной? Это похоже на какой-то невероятный розыгрыш.

Петр: – Я подтруниваю лишь отчасти. Но я пришел, чтобы...

Лидия – Послушайте, Петр. Я решительно настаиваю на том, чтобы Вы мне все объяснили. Я не люблю такие загадки и очень не люблю, когда меня обманывают.

Петр: – Помилуйте великодушно. Конечно, я немного свалил дурака, но поскольку ситуация действительно непростая, я решил просто дать Вам сценарий и подождать пока вы его прочтете.

Лидия (с удивлением, немного злясь): – Вы читали, ЧТО там написано?

Петр: – Ну, как вы представляете себе, что я не читал его...

Лидия: – В таком случае вы равным счетом НИЧЕГО не поняли. Ладно. Я готова Вас выслушать. И узнать, кто автор это сценария и почему вы привезли его именно мне. Виктор немного Вас выручил, хотя он с вами совершенно не знаком. Он позвонил сразу после вашего ухода и был в полном недоумении, когда я рассказала ему о Вашем визите. К счастью, он перезвонил на следующий день, когда навел о Вас справки. Вас, действительно, знают многие его коллеги... Это немного... Успокаивает.

Петр: – Лидия, я готов говорить (улыбается). И еще раз – простите.

Лидия жестом приглашает его сесть в кресло, сама садится на диван.

Петр: – Это сценарий моего друга. Он попал в очень неприятную и странную историю. Но прежде, чем все это произошло с ним, он просил меня найти вас и предложить вам роль в фильме, который я собираюсь снимать. Он, действительно, хорошо знает Виктора. Просто я не придумал, ничего лучше, чем выдать себя за него. В некотором смысле. Да и вы меня огорошили в первую встречу. Редко, кто начинает разговор так откровенно и так всерьез, да еще и с незнакомцем.

Лидия: – Кто он и где он сейчас?

Петр: – Так как сценарий? Хорош?

Лидия: – Сценарий хорош. Но я не люблю, когда отвечают вопросом на вопрос (в голосе некоторая холодность).

Петр: – Он обвиняется в убийстве. Хотя, я уверен, что он, скорее всего, оказался не в том месте и не в то время. Это судьба. Рука Господня. Испытание или наказание, сложно сказать. Называйте как угодно.

Лидия: – В убийстве? Неужели... Он способен убить человека?

Петр: – Взрослого человека, возможно, что и способен (задумчиво). И, мне кажется, что даже убивал. Но его обвиняют в убийстве... Ребенка.

Лидия: – Что?

Лидия вскакивает с дивана: – И вы приносите мне сценарий убийцы? (с дрожью в голосе).

Петр: – Послушайте. Пойдите. Пока не состоялся суд и не найдено достаточно доказательств его вины, никто не вправе называть его убийцей. Мы все убийцы в той или иной степени. Убиваем себя и своих близких всю жизнь, долго и монотонно. И не известно, что страшнее... Поверьте – Виктор расскажет Вам о нем только хорошее, если вы спросите. Он воевал. Может быть, убивал на войне. Я не знаю, он ни слова не говорил об этом.

Лидия: – Так это он мой поклонник? Не вы?

Петр: – Действительно, это так. Я же не видел ни одного вашего спектакля. Но я доверяю ему. Если позволите, я расскажу, что с ним произошло чуть подробнее.

Лидия: – Сделайте милость.

Петр: – История более чем странная. Ранней весной он поехал на электричке на какую-то отдаленную станцию, да и не станцию вовсе, а есть такие остановочные площадки. Там обычно только домик путевого обходчика, да дачи какие-нибудь. Но там, как будто, и дачи были далеко от железной дороги. Он поехал в лес. Просто поехал в лес. Я не знаю, зачем и для чего. Как мне рассказывали, он нашел в лесу совершенно случайно мертвую девочку. Она была задушена. От волнения у него пошла носом кровь. В руке у девочки была зажата зеленая лента. Так вот он зачем-то взял ее с собой. Наваждение какое-то. Неделю он мучился. Затем пошел на исповедь, рассказал об этом священнику. И что удивительно...

Лидия: – Он в чем исповедовался? Что убил девочку? Или...?

Петр: – Девочку никто не насиловал. Вы зря так плохо думаете... В чем? Да откуда же я знаю. Наверное, в том, что нашел и не сообщил никуда об этом. Так вот – вам, конечно, известно, что существует тайна исповеди. Но я не знаю, почему, и как это произошло, но его в этот же вечер после исповеди арестовали. Мне кажется, что больше некому было донести. Девочку искали, и нашли ее не сразу. Рядом с ней обнаружил капли крови, сделали экспертизу. Вроде как совпали и группа, и резус. Хотя это и не есть доказательство, но он и не отрицал, что был там... Впрочем, я уже более полугода не имею возможности с ним общаться. Следствие еще идет.

Лидия: – Вот так история. Мне понравился сценарий... Но есть одно НО. Вы, вероятно, и представить себе не можете, какое...

Петр: – Какое?

Лидия: – Там описаны события и факты, которые ваш друг знать просто не мог, если он, конечно, не перемещается в пространстве и не является каким-то медиумом.

Петр: – Как это?

Лидия: – Можете мне не верить, но там написано ДОСЛОВНО, что я говорила на прошлой неделе, что я делала. О чем я думала.

Петр: – Весь сценарий такой? (с сомнением и удивлением)

Лидия: – Да, почти. Я ведь его не дочитала. Боюсь. Мне кажется, на последних страницах будет то, что мне не нужно знать раньше времени.

Петр: – Там все довольно позитивно кончается... Хотя (осекая).

Лидия: – Но сценарий не для фильма. Это театральная пьеса. Разве вы не видите?

Петр: – Вижу. Но мы его легко переделаем.

Лидия: – Вы понимаете, что нельзя его переделывать. Это не сценарий, это... Это... Пророчества какие-то. Предсказания. Я даже не знаю, как ЭТО играть.

Петр: – Что-то мне подсказывает, что это недоразумение, и его выпустят.

Лидия: – Как его зовут? Он ваш земляк?

Петр: – Борис. Он поэт. Как ни удивительно. И пишет стихи. Есть немного странной прозы. Дело в том, что он описал в своем рассказе то, что с ним произошло буквально через полгода.

Лидия: – Вот видите! Он же не человек вовсе.

Петр: – Ну, как не человек, живой человек. Из плоти и крови.

Лидия: – Петр, я боюсь читать сценарий до конца. И вам не советую братья за него.

Петр: – Как же это возможно? Мне он понравился. Хотя, если вы откажитесь, то едва ли мы будем это снимать. Искать другую актрису? Стоит ли?

Лидия: – Я вам сценарий верну. Это огромный соблазн оставить его у себя. Может быть, через несколько лет вы вернетесь к этой идее, но сейчас – это ТАБУ. Другую актрису искать не нужно.

Петр: – То есть вы хотите сказать, что надо снимать что-то другое. Совсем другое?

Лидия: – Да. Напишите сами или возьмите что-то у других сценаристов. Другой сюжет, другая история. Там уж сами разберетесь, ВВЕРХ или ВНИЗ. А может в сторону.

Петр: – А как бы вы назвали эту пьесу? Она какая?

Лидия: – Я уже назвала. Но я бы добавила. Она – ИЗВНЕ. Бог не случайно спрятал Бориса до времени. Там он не может писать. Его слова – это то, что материализуется. Становится зримым, реальным, настоящим. Впрочем, я не говорю пока НЕТ. И не говорю ДА. Поезжайте домой. Вы выполнили свою миссию. И свой долг перед другом. Если судьбе будет угодно, то я хотела бы поговорить с ним наедине. А сейчас... До свидания. Заберите сценарий.

Лидия подает Петру бумаги. Петр берет их, сворачивает, кладет в карман пиджака.

Петр: – Вы думаете мне пора?

Лидия: – Как вам угодно. Я бы поговорила с вами, да не знаю, о чем нам еще говорить. Вы меня как бабочку пригвоздили иголками к листу бумаги. И не дернута. Я теперь живу совсем не так, как я уже привыкла тут жить. Зачем же это мучение опять? Зачем мне знать, что будет дальше? Через день, через неделю? Через год.

Петр: – Помилуйте, Лидия. Сценарий-то невелик, и события там все происходят в течение нескольких дней.

Лидия: – Вам не понять. Этого достаточно. Вы когда-нибудь общались со старцем. Настоящим? Сейчас таких и не осталось почти. Я понимаю, что мой пример не совсем обычен, и, может быть не совсем к месту, но... Мне довелось. Вот вы сидите у него в келье. Все стены в иконах. Лампады горят. Оконца замерзшие. Зима. Он сидит такой старенький, слабый на кровати, больной и немощный, а вы сидите напротив. Молчите. А он смотрит на Вас, и у вас дух замирает. Вы чувствуете, что он вас видит насквозь. Не описать этого словами. И вдруг говорить начинает. Так тихо, спокойно, по-доброму. Рассказывает Вам о том, что никто кроме вас и Бога и не знает, и не укоряет, а печально так, а вам от этих слов его так хорошо и так легко, и так грустно, что слезы текут сами собой из глаз, и такая жалость. И не себя даже жаль, а что так бездарно все получилось. И какой-то восторг и удивление – откуда он все знает про вас? Самое потаенное, то, что не высказать. Так и тут. Откуда он знает это? Это что-то больше, чем человеческое.

Помните, я говорила, что театр – это метод познания Мира. Да вот я не уверена теперь. Да и какого Мира? Какой из них реальный? Оба?

Петр: – Я не совсем улавливаю, о каких Мирах вы говорите.

Лидия: – Эх, Петр, Петр... А ведь я собираюсь оставить свою службу в нынешнем театре.

Петр: – Отчего же...?

Лидия: – Многое изменилось снова. Оказывается, есть люди, для которых обычная жизнь – метод познания. И даже чужая.

Петр: – Мне было очень приятно и интересно слушать Вас. Пожалуй, я пойду.

Петр одевается.

Петр: – До свидания. Не прощайте. Я надеюсь, что мы увидимся снова.

Лидия: – Прощайте, Петр. Мне кажется, что я увижу сценарий еще раз, но не вас. Извините, конечно.

Петр пожимает плечами. Уходит.

Действие второе

Картина первая

Кухня в доме Бориса. На стенах картины. Графика. Просто аккуратный современный интерьер. Ничего необычного. Петр сидит за столом, Борис стоит, облокотившись на кухонную стойку.

Петр: – Говорят, что под подписку выпустили?

Борис: – Да, пока так, Петя. Думаю, что все прекратят. Но я не только повидаться тебя позвал, как ты понимаешь. Я еще рассказать тебе хочу все, как было на самом деле, там, в лесу.

Петр: – Спасибо, что доверяешь. Впрочем, ты ведь все описал в рассказе. Жаль, что со сценарием пока ничего не вышло.

Борис: – В смысле?

Петр: – Я же летал в Питер. Встречался с Лидией. Она была шокирована и напугана. Играть отказалась. Но как бы, не совсем отказалась, дело в том, что...

Борис: – Что она сказала? Как это было? (воодушевленно). Ей понравилось?

Петр: – Ты, возможно, будешь удивлен, но она назвала это не сценарием, а пророчествами.

Борис: – Неужели?

Петр: – Сказала, что все, что ты описал, происходило с ней в реальности. И слова, и мысли, и поступки. Причем, многое было так, как написано.

Борис: – Невероятно (улыбаясь).

Петр: – Как тебе это удалось? Говорила, что как будто ты ходил рядом, как призрак и подглядывал и подслушивал, да еще и в душу залез.

Борис: – Ну же, говори еще.

Петр: – Нет ее согласия, нет фильма. Понимаешь? Или может, другую актрису поищем?

Борис: – Другую? Да я писал эту роль для нее. Играть должна только она.

Петр: – Ты написал правду. То, что с ней случилось на самом деле. Я не понимаю, как это возможно. Ты сам-то понимаешь?

Борис: – Она сказала, что эта пьеса для театра?

Петр: – Сказала... Но я сказал, что это легко переделать.

Борис: – А она сказала, что переделывать ничего не надо.

Петр (удивленно): – Да... Борис, да что с тобой?

Борис: – Я просто провод, по которому пускают ток.

Петр: – Это лишь красивая аллегория.

Борис: – Вся наша жизнь аллегория.

Петр: – Лидия потрясающий человек. Две встречи с ней – я ощутил что-то невероятное. Я больше слушал. Она говорила. И мне стыдно, что я не видел ни одного спектакля, где она играла.

Борис: – А у меня было время подумать, куда я иду, и кто я на самом деле.

Петр: – И к какому выводу пришел?

Борис: – Что я полное ничтожество, но мне нужно писать... Я должен это делать.

Петр: – Так уж и ничтожество?

Борис: – Это не самоуничижение, это честное отношение к себе. Честное и глубокое. Будто я жил какой-то ненастоящей, чужой жизнью, тратил себя впустую. И я создал свою тюрьму сам. Если я скажу тебе, что все это ложь, и вся эта история про девочку и следствие – поверишь? Я погрузил себя в эту фантазию, создал себе воображаемую тюрьму, чтобы запереть свою душу там.

Петр: – Как это? Зачем?

Борис (грустная ухмылка): – Нет, к сожалению это не фантазия. Я пошутил. Но тюрьма была с двойными решетками и двойной дверью. Для души и тела.

Петр: – Понимаю.

Борис: – Объясни мне – будет фильм?

Петр: – Она сказала, что может быть через несколько лет...

Борис: – Жаль...

Петр: – Со мной она попрощалась. Как будто навсегда. Сказала, что надеется увидеть еще раз сценарий, но не меня.

Что думаешь?

Борис: – Я думаю, что надо ставить пьесу. В театре.

Петр: – Тут я – пас. Тебе лучше знать, как это все устроить.

Борис: – Да не знаю я ничего, как это устроить...

Пауза.

Петр: – Я встречался с братом, он, ты знаешь, пишет рассказы. Ну, такие – даже не знаю, как сказать, что-то среднее между Чарльзом Буковски и Сорокиным. Безбашенные.

Борис: – Я читал. Хорошо пишет. Честно. Местами, правда, заносит его.

Петр: – Перед отъездом в Питер я говорил с ним. Он был так откровенен. Обычно он доверяет только перу и бумаге. А тут даже мне от него досталось (смеется).

Борис: – Ну, он прав?

Петр: – Он прав. Но я другой. Я не могу быть таким, как он. Если бы все были такие, как он?

Борис: – Если бы все были такие, как он, то у нас был бы вечный Вудсток. Какое-то время.

Петр (смеется): – А потом?

Борис: – Потом? Пожимает плечами.

Борис: – Так вот. Тот день. Тот день был... Я словно знал, что что-то должно случится. Там было одно обстоятельство, о котором знаю только я. И я хочу тебе рассказать, если смогу, конечно. Все началось утром. Меня какая-то непреодолимая сила потянула в лес. Да и вышел я на станции, где я никогда не был прежде. Наваждение какое-то. В поезде, когда ехал туда, мне вдруг стало плохо – потемнело в глазах, я едва не потерял сознание. Но все равно не вышел нигде по пути.

Петр: – Зачем же ты поехал туда? Мог бы вернуться назад, раз тебе стало плохо.

Борис: – Если бы я мог ответить на этот вопрос... Нет, я не смогу тебе рассказать все. Я не настолько смел, чтобы рассказать тебе всю правду. Но я не виновен.

Петр: – Как хочешь. Это твое право. Я и не верил никогда в твою виновность.

Борис: – Мне был странный сон той ночью. Я его отчетливо запомнил. Ты ведь любишь чужие сны? Верно? Он начался ниоткуда и так же ушел в никуда. Такой сон, словно кусок из какого-то фильма, снятого хорошим оператором на хорошую пленку. Послушай. Я спуускался к воде по лестнице из серого камня. Кто-то сделал проход в прибрежных скалах и проложил путь к морю. Ювелирно, даже чересчур аккуратно. Было слышно, как волны бьются о камни, где-то там далеко внизу, но лестница была устроена так, что я мог видеть только ступени и перила. Лестница, словно нить, обвивала каменные стены. Мрачные, с прожилками влаги, дышащие соленой и горькой сыростью. С запахом тления. И я так отчетливо чувствовал этот запах во сне. Я вдруг понял, что лестница ведет к закрытому бассейну, устроенному в крошеч-

ной бухте. Недоступной ветрам. Плеск волн нарастал с каждым шагом, приближающим меня к заветной цели. Я оказался около бассейна. Бассейн был пуст. Вода неподвижна. Я снял одежду и нагой вошел в зеленоватую прозрачную воду. Было прохладно. Я поплыл, длинными гребками рассекая сонную гладь. Противоположный край вплотную примыкал к высокой скале. А сквозь узкую щель наверху, где скалы не смогли соединиться, проникал солнечный свет. Внезапно картина сменилась. Голая каменистая местность. Сильный ветер. Карликовые, прижатые к земле деревья. Я держал девочку из леса за руку и шел с ней к обрыву, навстречу пронизывающему ветру. Сбивающему с ног, безжалостно рвущему мою куртку и ее пальто. Я испугался и проснулся. Покой сменился тревогой. Это был вещий сон, Петр. Я ведь и, правда, подошел к самому обрыву.

Петр: – Вода – символ изменений, смывает грехи. Бассейн – любовь. Про ветер я не знаю. Да и не толкователь я (пауза). Я слышал, что следствие нашло какие-то улики, которые к тебе не имеют никакого отношения.

Борис: – Да. Повезло.

Петр: – Какие?

Борис (взмахивает рукой): – Какая разница... Нашли и нашли.

Меня сейчас больше заботит, что будет с моей пьесой.

Петр: – Предложи в Зеленую Лампу.

Борис: – Ты шутишь? С тех пор, как оттуда уехали Лидия и Олег, там пустыня. Я был на спектакле год назад, еще до ареста. Какая-то чудовищная комедия. Смешно, конечно, но режиссура... Это какой-то драмкружок. Актерам играть совершенно нечего. Баловство. Капустник театральный. Ужасающе. Мне даже кажется, что им самим уже надоело валять дурака.

Петр: – Но актеры-то хорошие. Я ведь снимал многих из них.

Борис: – Актер или АКТЕР, или НЕАКТЕР. А хорошими или плохими они не бывают. И нельзя же так издеваться над театром. Не знаю, нужно же иметь хоть какое-то уважение к себе, чтобы отказаться работать с плохим режиссером.

Петр: – А кушать-то надо, детей кормить...

Борис (задумчиво): – Ну, это тогда театральный бизнес.

Петр: – Много в этой жизни компромиссы и купля-продажа.

Борис: – Много, но не все. Мне кажется, вакуум там образовался по очень простой причине. Точнее по двум причинам...

Петр: – Интересно.

Борис: – Понимаешь, режиссер должен быть личностью. Творцом. А такого человека сейчас нет. Его, возможно, нет и в других театрах. Я не знаю, чем наш город так провинился, что театральная жизнь есть, а спектакли, которые потрясают, можно пересчитать по пальцам. И появляются они даже не каждый год.

Петр: – А ты хочешь фабрику по производству шедевров? (смеется)

Борис: – Людям прививают плохой вкус.

Петр: – Мне кажется, что его прививают давно и не только в театре. Ты идеалист.

Борис: – Дорогу осилит идущий. И ему можно простить неудачи, если будут красивые и цельные работы. А топтание на месте и бег по кругу лично мне не интересен (пауза).

Я не совсем понимаю, что произошло и когда это произошло. Что люди приняли новые правила игры – удобные кресла, вкусный буфет, легкие спектакли ни о чем. Вот они ходили, восхищались, хотя были и недовольные, но спектакли рождали эмоции, чувства, заставляли сопереживать, заставляли работать голову и сердце, даже не важно в плюс, или в минус... У истинного творчества всегда будет множество граней и оценок. Невозможно угодить всем. И еще...(пауза)... Им дали свободу. А многие из них не знали, что с ней делать. Олег сидел

там, в своем кабинете и был далек от всех этих интриг и всей этой театральной бытовухи. Ему наплевать на это было. А многим был нужен не ТЕАТР, а райсобес (пауза)... Он уже уходил, буквально через две недели его уже не было в городе. Или он уже ехал? Не помню... И шел удивительнейший спектакль, это был последний спектакль в сезоне. О котором этот кавалерист, с глазами белогвардейского офицера из советских фильмов, сказал, что в нем учат детей убивать своих родителей. И тогда я понял, что ВСЁ. КОНЕЦ. Зеленая Лампа очнется нескоро. Там был эпизод, где Роберто Зукко разговаривал в метро со стариком-бродягой. А действие происходило на большой сцене, и зрители сидели прямо на сцене. По-моему, это был конец июня. Будто капала вода в метро, по сценарию шел дождь, а старик говорил так искренне, так проникновенно, таким тихим, красивым голосом, что цепляло каждое его слово. Ты погружался туда, был рядом с ними в этом метро. Ты сидел замороженный происходящим. Настоящая магия. И начался дождь, настоящий дождь, ливень. Да такой сильный, что протекла крыша прямо над сценой, и дождь пошел прямо в зал. И я подумал, Бог прощается с этим театром, с этой труппой, с этим спектаклем, теперь все будет по-другому. Крышу залатают, фасад покрасят. А то, что внутри уже не вернуть.

Петр: – Позволь мне спросить тебя (улыбается)? Кавалерист это кто?

Борис: – Министр-администратор.

Петр: – Директор?

Борис разводит руками: – Он самый.

Ты видел этот французский фильм? Жалкая поделка по сравнению с театральной постановкой. Я даже кассету выбросил, бездарнейшая работа.

Петр: – Ты пафосен и бескомпромиссен.

Смеются.

Петр: – А почему бы тебе не позвонить Лидии?

Борис: – Телефон. Я всегда боялся телефона. И разговоров по телефону. Ты не видишь лица собеседника, и пытаешься уловить его состояние, настроение, выражение лица лишь по голосу. Это непросто. Да и что я скажу? Мне кажется, что все разрешиться как-то само собой. Нужно переждать.

Петр: – Мне кажется, что ты устал. Что ты думаешь делать дальше?

Борис: – Я не устал. Делать дальше? Писать другую пьесу.

Петр: – Есть сюжет?

Борис: – Да, будет называться Хайфонг.

Петр: – Про Вьетнам?

Борис: – Про монастырь.

Петр (смеется): – Во Вьетнаме?

Борис: – В Пскове.

Петр: – Заинтриговал.

Борис: – Сюжет не мой. Это рассказ одного монаха. Моего друга.

Петр: – Монахи пишут рассказы?

Борис: – Он пишет. Такой как ОН, пишет.

Все время забываю спросить: как твой фильм?

Петр: – Хотелось бы уже закончить окончательно, и приступить к чему-то новому. Меня вымотало все изрядно и поездка в Питер была очень сложной....

Умолкает.

Борис: – Ты знаешь, мне не дает покоя этот вопрос – кто и зачем это сделал... Иной раз душу на части разрывает. Я и не спал сколько ночей. И спал, надеялся, что сон придет, и тайну мне раскроет. Но НИЧЕГО. Закрыто все. Никакой зацепки. Никакого намека. А логически если рассуждать – ничего не понятно.

Петр: – Ты про девочку?

Борис кивает головой.

Борис: – А ведь не было никакого чувства сначала. Ни жалости, ни страха. Когда я нашел ее. Просто лежала – будто уснула. Такая красивая. Русые волосы, а в них уже муравьи. Еще холодно было. Весна ранняя, а муравьи уже выползли. Представляешь? А глаза были закрыты. Будто просто спит. Я так долго смотрел на ее лицо. И вдруг почувствовал, что кто-то смотрит на меня со стороны. Кто-то будто следит за мной. И это ощущение было совершенно необычным. Опыняющим. Головокружительным. И вот тогда появился страх. Страх чего-то запредельного и в то же время близкого, к чему можно прикоснуться.

Борис затихает. Делает паузу. Пьет чай из стакана.

Продолжает: – А в руке у нее лента была. Зеленая такая. Шелковая. Гладкая. И мне так ее взять захотелось. Но я не сразу ее взял (ладонью трет голову). Грех я на душу взял, Петр. И за это наказан был. Исповеди моей мало было (немного отчаянно, с надрывом).

Петр приподнимает брови удивленно. Но молчит. Он напряжен.

Борис: – Ладно. Нечего скрывать (пауза).

Я захотел посмотреть на ее грудь (замолкает).

Петр тоже молчит, не веря словам Бориса.

Борис (немного нервно и с вызовом) (начинает гаснуть потихоньку свет на сцене): – Спросишь, зачем мне это? Уж не извращенец ли я? Тебе когда-нибудь хотелось переступить запреты? Но не человеческие. Свыше? Вот что-то со мной произошло в это мгновение, и это чувство охватило меня.словно лапами цепкими вцепилось... Я распахнул пальто. И запах меня с ума свел. Такой приторный, сладковатый.словно дешевые духи смешались с запахом тела. Едва остывшим. Меня трясло всего. Голова кружилась. Никак не успокоиться. И вдруг, ВНЕЗАПНО, я почувствовал облегчение. Оглянулся – шум ветра, и больше ничего – ни птичьих голосов, ни шорохов. Оголил грудь. Равнодушно, как по приказу. Маленькая, детская, замерзшая грудь. Ничего запредельного. Холодная плоть. Я запахнул пальто. И у меня пошла носом кровь. И я опять испытал ненависть к себе. И пошел к станции (закрывает глаза рукой) ...А потом... Я вернулся и забрался ленту из руки.

Петр встает из-за стола. На нем нет лица.

Гаснет свет.

Картина вторая

Квартира Петра, ничего лишнего и особенного. На стенах фотографии в тяжелых рамках. Интерьер выдержан в японском стиле. На диване сидят Роман и Татьяна, ждут Петра.

Роман: – Мыслящие не едят, а едящие не мыслят. Те немногие, что мыслят и едят, становятся выдающимися писателями.

Татьяна: – Где прочитал?

Роман: – Да не помню. В книге.

Татьяна: – У... Ты книги читаешь?

Роман: – Иногда читаю. Вот, что хотел спросить... Никак не пойму я... Иду я по улице и навстречу мне попадает множество женщин. Они разные: худые, полные, высокие, стройные, бесформенные. Есть с красивыми лицами и красивыми формами. Но нет ни в одной из них красоты скрытой и неуловимой. Той глубокой и настоящей. Какая-то серая пелена окружает их всех. А была ли в них эта красота? Может быть, они такими и родились? Среди этих серых бетонных стен и густого дыма этих заводских труб... И пропитались этой пылью и серостью?

Татьяна: – А во мне есть она? Эта красота?

Роман: – В тебе есть.

Татьяна: – Откуда знаешь? Чувствуешь? (смеется).

Роман: – Ну, вроде как чувствую. По картинам твоим... Или вот дети... Еще вчера они были маленькими ангелочками в колясках, а сейчас на их лицах что? Пустота? Ничего не выражающие лица, измученные нелепыми мультфильмами?

Я шел вчера по городу – у киоска «Мороженое» стоят девочки лет четырнадцати. Я подумал, вот вырастут скоро и нарожают новых идиотов. Таких же мутантов, как и все вокруг.

Татьяна (усмехается): – А как протекает твоя семейная жизнь?

Роман: – Жизнь? «Вот найдешь себе какого-нибудь мужа, он и будет протекать на покрывало» Моя жена считает меня гомиком. Хотя я не такой.

Татьяна: – Отчего так случилось?

Роман: – Не могу рассказать.

Татьяна: – И что это мешает семейной жизни?

Роман: – Да кто бы знал, что ей мешает. Наверное, я сам.

Я поделился с ней своими сокровенными, детскими переживаниями. Теперь ей трудно объяснить, что это был просто ранний процесс полового созревания. И мальчики меня не интересовали с тех пор. А в её голове, видимо, этот образ запечатлелся достаточно хорошо. Отчетливо. Воображение, видно, у нее неплохое. Пространственное.

Татьяна: – Не все нужно рассказывать, многие не готовы к откровенности. Они не могут справиться с таким грузом. Люди разные.

Роман: – Теперь я понимаю. Но от этого не легче... (пауза). Вчера во дворе сидели пьяные подростки. И представил, что я с удовольствием бы убил их. Взял бы автомат и расстрелял. Да, просто высунувшись из окна. Открыл бы окно и молча начал бы стрельбу. Им все равно ничего не объяснишь. Ничего не изменишь. А может быть подростки не пьяные, а под «кайфом»? Тем более расстрелял бы. Но с меньшим удовольствием. А их подруги, «за которых ни дашь ни рубля», смотрели бы на это. Визжали бы и убегали. Их бы я убивать не стал. Жалко патронов. Они наверняка бы вызвали милицию. Или кто-то из соседних домов, кто наблюдал за этой бойней. Прислали бы группу быстрого реагирования, орали бы в мегафон, мол, сдайте оружие, не сопротивляйтесь, и будет у вас все хорошо.

Татьяна: – Какой ты кровожадный сегодня. Разве так можно? (укоризненно, но с сарказмом)

Роман: – Да я просто представил. Я даже таракана раздавить не могу. Не то, что в человека стрелять... Да, орали бы в мегафон – Сдайте оружие. И все будет хорошо. А хорошо уже не будет. Так что не надо врать. Наверняка бы ждали, если бы я не отзывался. Узнали бы телефон. Звонили бы и пытались бы понять, что я хочу. Я бы молчал в трубку. Они бы, конечно, начали бы штурмовать мою квартиру и убили бы меня. Они всегда убивают, когда кто-то им сопротивляется. Сопротивляется этой системе. Но они не знают, что это лучший способ уйти от них незаметно и тихо, уйти непобежденным. Ты видишь их, но они не видят тебя. Тебя уже нет здесь, тебе предстоит новое, завораживающее путешествие туда, откуда ты пришел.

Татьяна: – Роман, ты какие-то ужасные вещи рассказываешь.

Роман: – Да, я просто фантазирую. Не бойся. И автомата у меня нет, и в армии я не служил. И стрелял я только два раза в школьном тире. За всю жизнь.

Татьяна: – Расскажи лучше что-нибудь хорошее...

Роман: – Хорошее? (Пауза) Я вчера смотрел фильм “12 стульев”. Ну, я выпивши был, что естественно для меня. Ну, это не важно... А может важно, я не знаю. Ты знаешь что, я понял? Что практически все фильмы, которые существуют – это полное дерьмо. Что таких актеров, как Миронов и Папанов никогда не будет. Я понял, что весь сегодняшний кинематограф – это дешевая лотерея. Мне до слез жалко, что ИХ больше нет, зато у нас теперь куча всяких там

Каниных, Угаровых и Валуевых. Как не крути, они лажовые. И фильмы, в которых они снимаются, полное говно. И режиссеры откровенно никакие. Такой массовый обман. Это покажется свинством, но я даже рад, что ОНИ этого не видят. Сижу и плачу. Давно так не плакал, так расчувствовался...

В комнату входит Петр. Он взволнован. Бледен.

Роман: – Привет, брат!

Петр: – Здравствуй, Роман! Зашел в гости? Молодец.

Татьяна: – А со мной ты не хочешь поздороваться?

Петр: – Привет.

Татьяна: – Вот так всегда, ни поцелует, ни обнимет (смотрит на него пристально). – Ты чего такой? Случилось что? Где был?

Петр: – Я был у Бориса.

Татьяна: – И что случилось?

Роман: – Как он после отсидки?

Петр: – Нормально.

Татьяна: – Поговорили как-то не так?

Петр: – Поговорили очень даже так. Так, как надо.

Татьяна: – И что он тебе сказал, что на тебе лица нет?

Петр: – Ничего.

Татьяна: – То есть вы поговорили, но он ничего не сказал. Молча говорили?

Петр: – Нет, конечно.

Татьяна: – Ты мне рассказывать не желаешь? Я тебе, что? Чужой человек? Не жена вовсе?

Петр: – Есть вещи, которые никому нельзя рассказывать.

Татьяна: – Ну, конечно. Сходил к Борису. Ты как к немуходишь, так все – не трогайте меня, не подходите. Он тебе семейную жизнь разрушает. Ты это-то понимаешь?

Петр: – Таня, я не хочу при Романи выяснять отношения.

Роман: – Да бросьте вы ругаться...

Татьяна: – А мы и не ругаемся.

Петр: – Это мы так разговариваем. Почти всегда.

Роман: – Да... Жопа. Правда, у меня не лучше.

Петр: – Выпить надо. Где-то у нас были виски. Вы как?

Роман: – Мы всегда готовы.

Петр снимает пальто. Пиджак. Остается в белой рубашке и черных брюках.

Татьяна приносит рюмки, сильно начатую бутылку виски. Уходит, приходит с какой-то нарезанной закуской. Лимон, копчености.

Петр разливает на троих.

Петр: – Давайте выпьем за возвращение Бориса (громко).

Правда, я не уверен, что он где-то был (чуть тише).

Выпивают. Закусывают.

Роман: – Ну, как он? Что говорит?

Петр: – Мы только о пьесе говорили его.

Роман: – Дашь почитать?

Татьяна: – А мне?

Петр: – Конечно.

Татьяна: – А что он тебе такое сказал, что на тебе лица нет.

Петр: – Да ничего особенного он не сказал.

Татьяна: – Ну, как можно так нагло врать? Рассказал, что с ним на самом деле было в лесу? И ты обалдел. Да?

Петр: – Женщина – источник интуитивной мудрости. Рассказал.

Татьяна: – Я думаю, что ничего там особенного с ним не было, просто для тебя эти события из ряда вон. Может, он всё выдумал.

Петр: – Ну, со мной тоже многое происходило...

Роман: – Такого не происходило.

Петр (натужно): – ТАКОГО – нет.

Роман: – Ну, он же не убивал, не насиловал?

Петр: – Нет.

Татьяна: – Тогда я не понимаю, ты какой-то слишком впечатлительный.

Петр наливает еще и выпивает один. После разливает остальным.

Роман: – А я вот уехать хочу. Мечтаю собрать вещи и уехать куда-нибудь далеко-далеко. Я думаю, что мне нужны деньги, чтобы уехать. А если бы у меня были деньги, то зачем уезжать? Хотя... Этот парадокс надо преодолеть. Надо собирать сумку и валить. Я скоро это сделаю. Работа и учёба – это полный отстой, так как учёба моя вообще лажа, а работа ещё хуже. Нечего терять.

Татьяна: – А жена?

Роман: – Жена?

Татьяна: – Да, жена? Она поедет с тобой?

Роман: – Нет. Я буду писать ей письма, что я скоро вернусь, и что у меня все хорошо. Чтобы ее успокоить.

Татьяна: – Это жестоко. Она же любит тебя.

Роман: – Меня? (удивленно). Ну, это вероятно какая-то странная, только ей понятная любовь садомазохистки.

Петр: – Никуда ты не уедешь. Таня, чего ты его слушаешь. Он опять сочиняет.

Роман: – Не уеду. Духа не хватит. Ты прав.

Я тебе ролик придумал. Думаю, что если ты его снимешь, то получишь какую-нибудь кинопремию. Обязательно.

Петр: – Ролик?

Роман: – Да, рекламный. Ты же еще снимаешь рекламу?

Петр: – Конечно.

Роман: – Ролик для компании «Сота-лайн». Слушай. Тебе понравится. Двое мужчин на автобусной остановке. Обоим около пятидесяти. Одеты в дешёвые кожаные куртки. В дешёвые, кожаные! Один без шапки, другой в синей китайской кепке. Не бриты.

Петр: – Да, уже вдохновляет...

Роман: – Первый: «Знаешь Семён, пора бы нам эти телефоны приобрести, которые без провода и в кармане носить можно».

Второй: «Приобрести?» Первый: «Ну да, приобрести...»

Второй приподнимает козырёк кепки: «Твой автобус вроде, бывай...». Автобус подъезжает к остановке, первый делает резкий шаг навстречу, но поскользывается, и ноги попадают прямо под задние колёса. Слышится хруст разламывающихся костей. Первый вопит. Автобус скользит по гололёду и перемалывает ноги первого. Первый теряет сознание, нижняя часть туловища превращается в месиво. Второй: «Меня зовут не Семён». Экран монохромно темнеет. Голос за кадром: «Сота-лайн – сотовые телефоны и аксессуары». Ну, как?

Петр: – Ну, ты гад.

Роман: – Ты в последнее время совсем разучился воспринимать юмор. А человек без юмора – это плохо. К тому же мой ролик устарел. По-моему, даже у грудных детей теперь есть сотовые телефоны.

Татьяна смеется.

Татьяна: – Ты если будешь дуться и грузиться, то тебе будет только хуже. Роман такой молодец.

Петр: – Почему он молодец?

Татьяна: – Такой веселый сюжет придумал.

Петр: – По-моему, вы надо мной издеваетесь...

Петр задумывается. Вид у него обреченный.

Роман: – Не грузись, старичок. Ты же брат мне....

Петр: – Извини. Со мной действительно что-то происходит, не пойму что. Устал.

Татьяна: – Надо поехать отдохнуть. Я хочу в Китай. Я хочу в Китай.

Петр: – Постараюсь тебя отправить туда.

Татьяна: – А ты?

Петр: – Я? Я, по-моему, потерял ВЕРТИКАЛЬ...

Роман: – Что потерял?

Смеется. Татьяна тоже смеется.

Татьяна: – А горизонталь не потерял?

Петр: – Вы смеетесь надо мной?

Роман: – Ну, ты так смешно говоришь. Мы даже не знаем, что и думать. Загадками.

Петр: – Пойду я пройдуся. Роман, пойдем, прогуляемся на улицу.

Роман: – Ну, как хочешь.

Татьяна: – Только вы долго не ходите, я ужин буду готовить.

Петр: – Хорошо...

Постепенно гаснет свет. Роман и Петр одеваются и выходят.

Картина третья

Утро, большая широкая кровать.

В постели – двое. Женщина сидит, подложив под спину подушку. Мужчина еще в полудреме, но уже начинает просыпаться.

Татьяна: – Ты не знаешь, что за это за шум? (гудят водопроводные трубы).

Петр молчит, он еще не совсем проснулся.

Татьяна: – Наверное, кто-то просто включил воду.

Петр: – Мне снился сон. Знаешь, и он закончился поллюцией.

Татьяна: – Да...А я так надеялась на секс перед работой.

Петр: – Увы.

Татьяна: – Утро началось с разочарования. И кто же тебе снился? На кого ты спустил? Или ты кончаешь от собственной гениальности?

Петр: – Ни на кого я не спускал. Снилась актриса. Латышская или литовская. Она уже старая.

Татьяна: – Ну, конечно, кто же тебе мог еще сниться? Ты же прибалт. И геронтофил.

Петр: – Она сейчас старая, а снилась она молодой. Я не прибалт, не говори глупости.

Татьяна: – И что же она была голой?

Петр: – Сначала она была одетой.

Татьяна: – Так пикантно. А ты с нее снимал одежду. Ты даже во сне мне изменяешь.

Петр: – Не нужно верить снам. Это всего лишь сны. Это фантазии. Потом она просто исчезла.

Татьяна: – Какой же ты распутный. Эти твои мерзкие фантазии (пауза).

Мне нужно пять миллионов. Я думаю, что уложусь. Мне должно хватить. Котельную я сделаю рядом с домом. Совсем рядом. В одном метре от гаража. А цокольный этаж не буду делать. Ты не знаешь, в казино выиграть это грех?

Петр: – Наверное. Это же азартная игра на деньги. Но сейчас нет казино. Закрыли же все.

Татьяна: – Да есть. Подпольные.

Петр: – Ты хочешь выиграть денег? На дом?

Татьяна: – Конечно, от тебя их видимо не дождешься.

Петр: – Ну, кто знает.

Татьяна: – В будущем я вижу себя в доме с кошкой и собакой. А больше никого нет. Даже странно. И еще мне нужно, чтобы рядом с домом была вода, какой-то водоем и церковь.

Петр: – Тогда тебе надо переехать ближе к столице.

Татьяна: – Оригинально. Интересно, у тебя будет еще жена?

Петр: – Жена? Нет, наверное.

Татьяна: – Конечно, ты же такой ленивый.

Петр: – Нужно заново строить отношения, а я не хочу этого.

Татьяна: – А со мной у тебя, выходит, построены.

Петр: – Построены.

Татьяна: – И что это за отношения?

Петр: – Сама посмотри.

Татьяна: – И что же я увижу? Это говно?

Петр: – Тебе виднее.

Татьяна: – Ты меня не любишь.

Петр: – Я тебя люблю.

Татьяна: – Нет.

Петр: – А кто тебя любит? Тебя очень трудно любить. Ты смесь ежика с коброй.

Татьяна: – Меня никто не любит, кроме сыночка моего любимого. Он меня любит.

Петр: – Я тоже.

Татьяна: – Ты не любишь.

Петр: – Смотрел на себя в зеркало вчера. Что-то я постарел.

Татьяна: – Конечно, кремами не пользуешься. В твоём возрасте пора бы уже. Лифтинг. Давай купим тебе лифтинг. Натянешься, будешь как апельсинчик (улыбается).

Петр: – Что-то не хочется. Как апельсинчик.

Татьяна: – Ты закончил монтировать свое кино?

Петр: – Да.

Татьяна: – Когда покажешь?

Петр: – Не знаю. Еще озвучка. Месяц-два.

Татьяна: – Ну и что получилось?

Петр: – Что-то получилось. Зритель оценит.

Татьяна: – А что потом?

Петр: – Потом буду снимать следующий фильм.

Татьяна: – А деньги когда будут?

Петр: – Ну, будут когда-нибудь.

Татьяна: – Я имею в виду на дом.

Петр: – Не знаю.

Татьяна: – Но мне нужен дом.

Петр: – Мне тоже.

Татьяна: – И собака мне нужна. Моя любимая собачка. Хаски.

Петр: – Я знаю.

Татьяна: – Меня на выставку пригласили. Почти персональная.

Петр: – Как это почти?

Татьяна: – Я и еще один художник.

Петр: – В Москву?

Татьяна: – В Москву. Тебе все равно? Ты даже не рад за меня?

Петр: – Я рад.

Татьяна: – Слова доброго не скажешь.

Петр: – Я, правда, рад.

Татьяна: – Ты равнодушный, нечуткий человек.

Петр: – Что за очередная глупость?

Татьяна: – Ага, я дура, а ты умный. Только ты никогда не рад чужим успехам.

Петр: – Таня, я рад и я люблю тебя.

Татьяна: – Расскажи это своим бабам.

Петр: – Каким бабам, нету у меня никого.

Татьяна: – И меня у тебя нет.

Петр: – Ты есть.

Татьяна: – Никакой заботы.

Петр: – Тебе ведь деньги понадобятся на поездку?

Татьяна: – Конечно, думаешь, что же я без денег поеду? Или попрошайничать буду?

Петр: – Ты как заведешься, тебя не остановить. Вот что значит сексуальная неудовлетворенность.

Татьяна: – Хам.

Петр: – Когда выставка?

Татьяна: – Пока точно не знаю. Месяца через два-три. Поедешь со мной?

Петр: – Скорее всего, нет, у меня будут съемки. Через два месяца точно.

Татьяна: – Какие опять съемки?

Петр: – Новый фильм.

Татьяна: – А я, почему ничего не знаю?

Петр: – Вот я говорю тебе... Ты же только что спрашивала уже...

Татьяна: – Ты не считаешь нужным делиться со мной?

Петр: – Таня...

Татьяна: – Ну, а где сценарий, раньше ты мне давал их читать.

Петр: – Сценарий я еще не закончил. Буду по ходу дописывать.

Татьяна: – Разве так можно?

Петр: – Все равно в процессе съемок что-то дорабатывается и меняется. Это рабочий процесс.

Татьяна: – Я думала, что это творческий процесс.

Петр: – Зачем ты меня обижаешь?

Татьяна: – Ты вроде говорил, что сценарий не твой будет.

Петр: – С ним пока ничего не вышло. Буду свой снимать. Тем более он почти готов.

Татьяна: – А почему не вышло?

Петр: – Актрису не нашли под него.

Татьяна: – А под твой нашли?

Петр: – И под мой не нашли. Но найдем.

Татьяна: – Бред какой-то. Всё это кино.

Петр: – Это создание произведения искусства.

Татьяна: – То, что это создание – понятно. А какое это имеет отношение к искусству, я не понимаю.

Петр: – Ну, существуют же выдающиеся фильмы. Всех времен и народов.

Татьяна: – А ты к ним какое отношение имеешь?

Петр: – Москва не сразу строилась.

Татьяна: – И долго ты будешь руку набивать?

Петр: – По-моему, уже набил.

Татьяна: – В туалете?

Петр: – Ты невыносима.

Татьяна: – Когда же у нас будет нормальная жизнь? Мне ЭТО невыносимо.

Петр: – Ты сама себе противоречишь. Ты не сможешь жить НОРМАЛЬНОЙ жизнью.

Татьяна: – Я-то смогу. Мне мастерская нужна. Где моя мастерская?

Петр: – Будет.

Татьяна: – Сколько лет я это слышу? Десять?

Петр: – Ну, Таня, осталось немного. Фильм пойдет в прокат – будут отчисления. Можно про дом подумать.

Татьяна: – А реклама? Она же раньше приносила деньги.

Петр: – Но не на постройку дома.

Татьяна: – Можно было копить.

Петр: – Мы все проели.

Татьяна: – Уже и куском меня попрекаешь? Или может я толстая?

Петр: – Я сказал мы. Не ты. Ты не толстая.

Татьяна: – Ты меня уже совсем разлюбил. Куском хлеба попрекаешь. Знаешь что?

Петр: – Что?

Татьяна: – Да пошел ты.

Отворачивается от Петра.

Петр: – Таня, ну прости меня. Я не хотел тебя обидеть.

Татьяна: – Отвали.

Петр: – Ну, правда.

Татьяна: – Не хотел, но обидел. Ты всегда так.

Петр пытается ее обнять, она отпихивает его.

Татьяна: – Не тронь, а то зубы выбью.

Петр: – И тебе не жалко меня будет?

Татьяна: – Нет, я бы тебе с удовольствием что-нибудь сломала.

Петр: – Мда... Вот она – ЛЮБОВЬ.

Татьяна: – Или отравила бы. Если ты мне изменишь, и я узнаю, я тебя отравлю.

Петр: – Тебя же посадят.

Татьяна: – Или ночью зарежу. Не посадят – я так отравлю, что не поймут.

Петр: – А если зарежешь?

Татьяна: – В состоянии аффекта. Дадут условно. У меня есть знакомый адвокат.

Петр: – Это мой знакомый адвокат.

Татьяна: – Ну и что. Будет мой.

Петр: – Потрясающая логика. Ты удивительная женщина.

Татьяна: – Еще бы.

Петр: – Только очень нервная.

Татьяна: – Я нервная, а ты шизофреник. Я когда смотрю на тебя, сразу понимаю – шизик. Шизоид.

Петр: – Я не вижу ничего такого в себе.

Татьяна: – Кто тебе кроме жены скажет правду? Ты весь в мать.

Петр: – А что мать?

Татьяна: – Ты сам говорил, что ей в детстве раскаленным угольным утюгом голову пробили, и она с тех пор периодически как бы не в себе.

Петр: – А мне голову пробили?

Татьяна: – А то нет? Забыл, как ты в армии на КАМАЗе перевернулся, и башку свою стряс? Да еще и гены плохие.

Петр: – А причем тут шизофрения? А что с генами не так?

Татьяна: – Твоя бабка и дед – сестра и брат по отцу.

Петр: – Это семейная легенда. Никто точно не знает.

Татьяна: – Я знаю. Я чувствую, что ты мутант.

Петр: – У нас все разговоры этим заканчиваются. Все – пора вставать. На работу пора.

Петр встает. Надевает брюки, футболку. Выходит из комнаты.

Татьяна: – Точно мутант.

Картина четвертая

Татьяна и Лидия едут в одном купе в поезде. Лидия читает сценарий. Погружена в чтение. На лице некоторое недоумение и удивление.

Женщины уже познакомились, поскольку уже сутки едут вместе.

Татьяна: – Скоро уже Новосибирск.

Лидия: – Нескільки часов осталось. Вы не знаете, стоянка еще будет?

Татьяна: – Да, минут пятнадцать. Не помню название станции. Но уже скоро будет. Нам объявят.

Лидия: – Хочу подышать воздухом. Что-то не по себе как-то.

Татьяна: – Не заболели? Продуло, может быть?

Лидия: – Нет-нет. Просто вот читаю...И...

Татьяна: – А что, если не секрет?

Лидия: – Сценарий. Очень необычный. Осталась последняя страница. Я его читала уже несколько раз, но ближе к концу останавливалась. Не могла дочитать. Решила, что в поезде я смогу все обдумать и закончить.

Татьяна: – Что же там такого, что вы дочитать не можете? Плохо написано? (удивленно).

Лидия: – Танечка, Вы понимаете, дело не в этом. И написано хорошо. Просто есть нюансы, которые меня сильно... Даже не знаю, как сказать. Они меня просто пугают.

Татьяна: – Вот как?

Лидия: – Да. Именно так.

Татьяна: – А кто автор?

Лидия: – Едва ли вы его знаете. Хотя он, очевидно, из вашего города. Да и сказать, по правде, я не знаю его вовсе (смущенно улыбается).

Татьяна: – А как же он попал к вам? Сценарий?

Лидия: – Привез один человек. Прямо ко мне домой. А я его, можно сказать, что выставила, и вернула сценарий.

Татьяна: – И он снова у вас? (в недоумении)

Лидия: – Дочь. Это дочь (улыбается). Понимаете, я потом даже пожалела, что отдала сценарий, не дочитав до конца. А оказалось, что дочь сделала с него копию. И прочла. Тайно от меня. И ничего мне не сказала. А потом, спустя уже месяц или два, мы разговаривали с ней, и я обронила, что мне жаль, что я не прочла его до конца, и у меня даже телефона нет этого человека. Который мне его привез. И она говорит тогда: «Мама, а хочешь сюрприз?». Я даже

похолодела. Я тогда все СРАЗУ поняла. Схватила ее и говорю: «Где сценарий?». Напугала ее (улыбается). Она принесла. Я читала его несколько раз, но по-прежнему не решалась прочесть его полностью. И я даже потеряла сон и покой, поскольку знала, что дочь знает ВСЁ. И попросила ее молчать и этой темы не касаться в наших разговорах. А тут так сложилось, что меня в Красноярск позвали. И я подумала: «Лида, это судьба, надо закончить с этим...».

Татьяна: – Как я понимаю, вы не знаете, хотите, играть эту роль или нет?

Лидия: – Да, все именно так. Я чувствую, что только когда прочту последнюю строчку, я смогу ответить самой себе. Да или нет (пауза).

Татьяна: – Мы с вами уже сутки едем, а я вам совсем ничего о себе не рассказала. Вам интересно?

Лидия: – Конечно. Тем более обо мне вы знаете больше. И даже были на моих спектаклях.

Татьяна: – Я еду с выставки.

Лидия: – С выставки?

Татьяна: – Ну, да. Выставка графики. Я художник.

Лидия: – Это великолепно. А я еще удивилась, что у вас какие-то странные рамки в каких-то странных чехлах. И много. А спросить как-то не решалась.

Татьяна: – Да, это картины. Я могу вам показать, ну, те, что поменьше, а то, большие я не смогу назад засунуть. И места тут в купе нет совсем.

Лидия: – Очень здорово. Мы успеем до ближайшей стоянки?

Татьяна: – А сколько время?

Лидия: – Без четверти час.

Татьяна: – Конечно, они небольшие. Вытаскивает большой чемодан. Открывает его. Ищет работы.

Татьяна: – Вот.

Работы небольшие, размером чуть больше писчего листа. Но их много.

Просто цветная и черно-белая графика

Татьяна: – Тут и иллюстрации есть.

Лидия берет в руки, разглядывает на вытянутой руке.

Татьяна: – Надо смотреть с расстояния. Давайте я отойду к двери и буду вам показывать по одной.

Отходит. Начинает показывать. Работы необычные. Своеобразная графика.

Лидия с удивлением рассматривает их. Ей нравится.

Лидия: – Это изумительно. У вас такая фантазия.

Татьяна: – А вы знаете, я рисую интуитивно.

Лидия: – Как это?

Татьяна: – Нет, конечно, иногда я знаю, что я нарисую, и у меня даже есть замысел, но все равно, что в итоге выйдет, я не знаю. А чаще всего я ставлю точку пером на бумаге, и, не отрывая руки, начинаю рисовать. Что внутри сидит, то и выходит.

Лидия: – Удивительно, но у вас внутри сидит одна красота (улыбается). Но такая необычная. Как из другого мира.

Татьяна: – Мне кажется, что это так в любом творчестве. Точку вам задают. Или вы зададите. И размер листа или холста задан. И даже сюжет. А вот, что там получится в этих рамках, это уже загадка. И результат всегда непредсказуем. Ведь так?

Лидия: – Наверное, так. Кладите картины на стол. Я хочу их рассмотреть... Повнимательней.

Татьяна: – А можно вопрос?

Лидия: – Давайте.

Татьяна: – Вы не жалеете об отъезде? Что покинули Зеленую Лампу и город?

Лидия: – Нет, скорее я даже рада, что уехала. Просто тогда образовался такой вакуум. Духовный что ли. И творческий. И в нем дышать уже было невозможно. Кислород перекрыли. Правда, все несколько сложнее, конечно. Дело было скорее во мне. Специально никто ничего не перекрывал. Просто условия изменились. И вдобавок, ко всему – холсты стали другие. И краски (улыбается).

Лидия говорит и рассматривает работы.

Татьяна: – Нравятся?

Лидия: – Да, у вас редкий дар.

Татьяна: – Благодарю. Мне очень приятно.

Лидия: – Правда. Я ничего подобного никогда и не видела. Осмелюсь спросить – не могли бы вы подарить мне что-нибудь? Что не жалко.

Татьяна: – С радостью. Выбирайте, что угодно. Что больше всего нравится.

Лидия раскладывает картины, выбирает довольно быстро.

Лидия: – Вот эту (вопросительно смотрит на Татьяну, поднимает и показывает ей).

Татьяна: – Ради Бога. У вас есть куда ее положить?

Лидия: – Что-нибудь придумаем... Чуть позже. Знаете, я вот решилась. Вот последняя страница. Решила дочитать...

Может, ваши работы так подействовали...

Татьяна: – Я мешаю?

Лидия: – Я в тамбур выйду.

Татьяна: – Там люди ходят, скоро станция, к тому же. Будут мешать. Лучше я выйду.

Лидия: – Выходит, что я вас выгнала (смущенно улыбается).

Татьяна: – Глупости какие. У меня тоже так бывает внезапно, осенит что-то и нужно, чтобы никто не мешал.

Выходит из купе. Лидия остается одна. Среди разложенных картин. Дочитывает сценарий. В легком шоке кладет его на стол. Взволнована. Встает. Выглядывает в тамбур.

Лидия: – Таня, я закончила. Вернитесь.

Татьяна возвращается. По громкой связи сообщают, что поезд прибывает на станцию. Стоянка пятнадцать минут.

Татьяна: – Вот и стоянка.

Лидия накидывает плащ.

Лидия: – Мне нужно на воздух.

Татьяна: – Я сейчас картины сложу и тоже выгляну на улицу.

Лидия стремительно уходит.

Татьяна складывает картины в чемодан, но получается не очень. Возится, выкладывает часть каких-то вещей. Перекладывает картины картоном, кладет на дно.

По громкой связи сообщают, что поезд отправляется, и просят пассажиров занять свои места. Поезд трогается. Татьяна понимает, что Лидия не вернулась. Бросается к проводнику.

Татьяна: – Женщина, моя попутчица не вернулась.

Проводник: – Отстала, выходит.

Татьяна: – Я боюсь, может, с ней что-то случилось.

Проводник: – Могла в магазин пойти за станцией и опоздала. Туда идти минут пять и назад пять. И там может, очередь была. Не успела.

Татьяна: – Что же делать? Вещи ее остались в купе. В одном плаще вышла.

Проводник: – Ну, билет ее у меня. Что вы так разнервничались? Сейчас начальнику поезда сообщу. Он на станцию позвонит. Вызову милиционера, заберем ее вещи.

Татьяна: – Как заберете?

Проводник (ехидно): – Вы, что ли забрать хотите? Опись сделаем при свидетелях. Вы будете свидетель. Подпишитесь. Укажите свои паспортные данные. Телефон. Мы вещи опечатаем, и милиция заберет. До Красноярска. В Красноярске сдадут на станции в отделение. Она же до Красноярска ехала. Если с ней все в порядке, то обратится в милицию там, где отстала. Думаю, что каким-то образом все разрешится.

Татьяна: – Думаете, что все нормально будет?

Проводник: – Ну, откуда я знаю. Ступайте в купе.

Татьяна возвращается в купе. На столе остался лежать сценарий и выбранная Лидией картина. Татьяна в нервном возбуждении. Она крайне взволнована.

Продолжение 4-й картины

Татьяна выходит на перрон. Ее встречают Роман и Борис. Петр уехал на съемки и попросил брата встретить жену. Борис случайно составил компанию Роману.

Татьяна: – Вот так встреча.

Роман: – Привет (целует скромно Татьяну в щеку). Петр же уехал на съемки, и ты знала, что я буду тебя встречать.

Татьяна (немного кокетливо): – Я не о тебе. Здравствуй, Борис.

Борис: – Добрый вечер, всегда рад.

Татьяна: – А уж как я рада... (ухмыляется). Роман там картины в купе и чемоданы, сгоняй, заberi.

Роман: – Слушаюсь (издеваясь).

Борис: – Как прошла выставка?

Татьяна: – Замечательно.

Борис: – А что не очень рада?

Татьяна: – Странное происшествие со мной приключилось, Борис.

Борис: – В поезде?

Татьяна: – Хочешь удивиться? Представляешь, я ехала в одном купе с Лидией.

Борис: – А кто это?

Татьяна: – Неужели не знаешь? Левская.

Борис: – Что? Вот так история... А где же она? Мы ее с Романом не видели среди пассажиров. Он еще в твоём купе?

Татьяна: – Сейчас будешь, еще больше удивлен... Она отстала от поезда. В нескольких часах отсюда.

Борис: – Как же такое могло произойти?

Татьяна: – Совершенно нелепая история. Она вышла. И пропала. А я, как дура, проводилась с картинами во время стоянки. Поезд тронулся – ее нет.

Борис: – Надеюсь, что с ней все в полном порядке. Неприятно, конечно.

Татьяна: – Вещи сложили все в моем присутствии в пакеты пластиковые, опись составили, начальник поезда опечатал. Милиция забрала. Она в Красноярск ехала.

Борис: – Неужели к Олегу?

Татьяна: – Вот уж не знаю. К кому. Она читала какой-то сценарий непонятный. И говорила, что никак не может дочитать его до конца. Боится. Честно говоря, я ничего толком не поняла.

Борис (хлопает себя по лбу): – Танечка, это просто фантастика.

Татьяна: – Какая фантастика?

Борис: – Да это же мой сценарий...

Татьяна: – Ничего не понимаю. Как твой?

Выходит Роман с чемоданами и несколькими картинами в брезентовых подрамниках.

Роман: – Борис, мог бы и помочь, кстати...

Борис: – Извини.

Роман подает чемоданы. Борис принимает, ставит на платформу.

Роман: – Пойду, остальное принесу.

Борис: – Это мой сценарий. Мой, понимаешь?

Татьяна: – Что за ужас ты там понаписал?

Борис: – Да никакого ужаса. Я и не пойму толком, почему она так отреагировала.

Татьяна: – Ты с ней общался? И как он попал к ней?

Борис: – Я с ней не общался, а сценарий ей привез твой муж.

Татьяна: – Петр?

Борис: – У тебя еще есть муж?

Татьяна: – Пока нет.

Выходит Роман. Борис принимает картины.

Роман: – Ну, что? К машине?

Татьяна: – Ты с нами, Борис?

Борис: – Нет. Помогу и поеду на метро. Мне в другую сторону.

Татьяна: – Тебе всегда в этой жизни в другую сторону.

Борис: – Если ты подумаешь немного, то поймешь, что тебе тоже.

Татьяна (ухмыляется): – Умный какой.

Роман и Борис распределяют багаж. Идут к стоянке. Татьяна не успевает за ними. Они идут, широко шагая.

Картина пятая

(заключительная)

Станция.

Лидия выходит на перрон, вытаскивает пачку сигарет и понимает, что она пуста.

Она крайне взволнована. Подходит к киоску около вокзала.

Лидия: – У вас есть Вояж?

Продавец: – Что?

Лидия: – Сигареты Вояж.

Продавец: – Даже не слышала о таких.

Лидия: – А где можно купить?

Продавец: – Может в магазине.

Лидия: – А где это?

Продавец: – В пяти минутах ходьбы отсюда. Пойдете через парк, по дорожке, парк – справа от вокзала. И дорога приведет вас к магазину.

Лидия: – Большой магазин?

Продавец: – Большой.

Лидия: – Благодарю вас.

Лидия спешит. Но перед парком замедляет шаг и медленно идет по тропинке. Ей будто тут все знакомо. Парк совершенно пуст. Лидия внимательно оглядывается по сторонам, идет осторожно. Внезапно замечает сидящую под деревом девочку лет тринадцати. Лидия подходит к ней со страхом.

Девочка сжимает в руке зеленую ленту. Она словно спит. Не понятно, жива она или нет. Лидия останавливается рядом с ней. По щекам девочки текут слезы, но Лидия не замечает этого. Ей кажется, что девочка мертва.

Лидия:

– Боже мой, это то самое место. И лента... (произносит отрешенно, не глядя на девочку).

Наклоняется к девочке. Внезапно девочка открывает глаза. И удивленно смотрит на Лидию. Девочка молча встает с земли и начинает вплетать ленточку в косу, вытирая слезы.

Лидия (облегченно, тихо):

Поворачивается к залу: – Я буду играть эту роль.

Конец

Октябрь, 31, 2009 г.

Лифт

(ироничная драма по мотивам реальных событий)

Действующие лица:

Андрей – журналист, 40 лет.

Женщина X, мать Влада – полная, с большой грудью, в очках, старше 50 лет.

Полина – подруга Андрея, 37 лет.

Влад – молодой человек, 24 года.

Александр – его друг, 26 лет.

Анна – жена Андрея, 35 лет.

Ольга – сестра пропавшей девушки, 20-23 года.

Смецкий – врач, 50-55 лет, холеный, представительный мужчина.

Второстепенные персонажи – медсестра, секретарь.

Действие первое

Картина первая

Лифт в высотном офисном здании. В лифте мужчина 40-43 лет и женщина 50-53 лет, полная, с большой грудью, в очках. Похожа на секретаря руководителя. Внезапно лифт останавливается, начинает тускло мерцать освещение.

Женщина: – Ой... Что это?

Андрей: – Застряли.

Женщина: – Как застряли?

Андрей: – Просто. Лифт встал между этажами.

Женщина: – Как же так... Мне же надо на работу. Я спешу.

Андрей: – Вы не волнуйтесь. Я сейчас вызову лифтера.

Нажимает кнопку вызова:

– Лифт остановился. Вы слышите нас? Лифт встал.

Лифтер: – Поняла, ожидайте. Придут техники.

Андрей: – А когда придут?

Лифтер: – Скоро. Ждите.

Андрей: – Мы между тридцатым и тридцать первым.

Лифтер: – Я вижу. Ждите.

Андрей пожимает плечами: – Говорят, что скоро придут.

Женщина: – Я же боюсь замкнутого пространства. Мне сейчас плохо будет. И с незнакомыми мужчинами я не могу оставаться в одном помещении наедине.

Андрей: – Да что вы, я ничего вам не сделаю. Не бойтесь. Я в редакцию журнала еду.

Женщина: – Ужас какой. Все время со мной случаются такие истории.

Андрей: – У вас клаустрофобия?

Женщина: – Нет. Мне просто дышать тяжело в замкнутом пространстве. Я хочу на пол сесть. Не могу я стоять.

Андрей: – Но пол не очень чистый. Вы одежду испачкаете...

Женщина: – Почистищу. Стоять долго я не смогу.

Андрей: – Вы не бойтесь, не расстраивайтесь. Скоро придут техники и нас освободят.

Женщина: – Скоро – это когда?

Андрей: – Я думаю, что через минут десять.

Женщина: – Десять минут я потерплю, конечно...Что-то душно здесь. Вам так не кажется?

Андрей: – Нам повезло, что мы тут только вдвоем. Места все-таки много. А представляете, если бы нас было человек восемь...Нет, тут вовсе не душно.

Женщина: – А вы женаты?

Андрей: – Я женат. Вы серьезно боитесь мужчин?

Женщина: – Я мужчин не боюсь. Мне не комфортно, когда вот так. Вы и я. И в таком узком пространстве. И я вас совсем не знаю.

Андрей: – Давайте познакомимся. Может быть, мы даже станем друзьями?

Женщина: – Друзьями? Вы же женаты...

Андрей: – Ну, существуют некоторые проблемы. Не все так безоблачно. И брак это не гарантия счастливой жизни.

Женщина: – У вас же семья. Дети есть, наверняка.

Андрей: – Конечно. А вы не замужем?

Женщина: – Я не замужем. Я вдова.

Андрей: – Понятно. Извините.

Женщина: – Уже 14 лет. Обычно я очень легко с людьми знакомлюсь, но вот в лифте – такого не бывало. Вам не кажется, что лифт чрезвычайно странное изобретение?

Андрей: – Кажется. Мне кажется, что люди чувствуют себя в нем очень неловко. Молчат, пытаются надеть на себя маску. Маску отрешенности. Но ничего не выходит. А между тем, если в лифте много людей, мы вынуждены стоять очень близко друг к другу. Даже невольно касаться друг друга. Мы чувствуем запахи другого тела, можем разглядеть отчетливо каждую волосинку на лице, родинку, вдохнуть запах чужих волос, чужих духов. Мы, даже не желая этого, вступаем в какие-то мимолетные взаимоотношения... Если опускаем голову вниз – видим ноги женщин и обувь мужчин...

Женщина: – Ой...Вы так все говорите...Как...Как...

Андрей (улыбается) : – Маньяк?

Женщина: – Да (с вызовом и улыбкой).

Андрей: – Я работаю в журнале...(улыбается).

Женщина: – А...поэтому вы такой внимательный...

Андрей: – Если хотите, то поэтому...

Женщина: – Зачем вам дружить со мной?

Андрей: – Вам сказать правду?

Женщина: – Да, очень бы хотелось услышать правду.

Андрей: – А если вам она не понравится?

Женщина: – Я не обижусь.

Андрей: – Например, я не могу заниматься со своей женой сексом.

Женщина: – И вы решили предложить это первой встречной?

Андрей: – Я вам пока ничего не предлагал.

Женщина: – А можно задать еще один вопрос?

Андрей: – Почему я не могу заниматься?

Женщина (краснеет): – Да.

Андрей: – Она больна. Ей это противопоказано.

Женщина: – Бедная женщина...

Андрей: – Я без женщины, вы без мужчины... Вы мне понравились. Мы взрослые люди и могли бы договориться... (шутя).

Женщина: – А вас не смущает, что я намного старше вас...?

Андрей: – В мамы вы мне не годитесь. Разве что в сестры. У меня никогда не было сестры. Теоретически, вы, конечно, могли бы родить лет в 12, но я не верю в это... (он подтрунивает)

Женщина: – Я не слишком плохо выгляжу?

Андрей: – Вы хорошо выглядите.

Женщина: – На свои годы?

Андрей: – Думаю, что чуть моложе.

Женщина: – Вы подшучиваете надо мной?

Андрей: – Давайте все-таки познакомимся. Меня зовут Андрей.

Женщина: – А зачем вам мое имя?

Андрей: – Нам же нужно познакомиться...

Женщина: – Не нужно. Зовите меня просто Женщина.

Свет почти гаснет.

Женщина: – Ну, где же ваши техники? Сколько же нам тут сидеть? Вы знаете, я читала про случаи, когда люди застревали в лифте, много людей и некоторые из них задохнулись от недостатка кислорода. Это вполне реально.

Андрей: – Да что вы, право... Скоро придут. Хотите – сами поговорите с лифтером.

Женщина: – Вы мужчина. Вы и говорите.

Андрей нажимает кнопку:

– Лифтерная? Вы меня слышите? Лифтерная!!!

Никто не отвечает.

Женщина: – Ну и дела. Там никого нет. Звоните своим знакомым по сотовому. Я свой забыла в офисе. Я выскочила на улицу на пять минут... И вот...

Андрей набирает номер:

– Вот досада... Говорит, что абонент временно не доступен.

Женщина: – Еще кому-нибудь звоните. У вас там целая редакция.

Андрей: – Я звоню, звоню. Не волнуйтесь.

Набирает еще номера.

Андрей: – Странно, похоже, нет связи.

Женщина: – Как нет? Должна быть. В лифте есть связь.

Андрей: – Что я могу сделать? Нет и все. Хотите – сами попробуйте.

Женщина берет телефон Андрея, набирает номер. Нет результата. Другой номер – аналогично.

Женщина: – Да. Не обманули.

Андрей: – А зачем мне вас обманывать?

Женщина: – Мало ли, что у вас в голове...

Свет вспыхивает чуть ярче.

Андрей: – Вот опять свет появился.

Женщина: – Но он все равно тусклый. Может, случилось что-то в здании?

Андрей: – Я не знаю.

Женщина: – Давайте кричать.

Андрей: – Послушайте, люди, которым тоже надо добираться до работы, наверняка, дозвонились до лифтера. Точно также, как и мы. Зачем нам кричать? Хотите – кричите.

Женщина: – Подожду немного. Рано пока.

Андрей: – Как ваш муж только жил с вами?

Женщина: – Счастливо.

Андрей: – Не уверен.

Женщина: – Вы же сказали, что я вам понравилась. А вам, наверное, только грудь моя и понравилась (складывает руки на груди). Иногда мне хочется заказать маечку с надписью: "Дружок, мои глаза выше!" (улыбается).

Андрей: – Грудь...?

Женщина: – Ну, да. Многие делают вид, что смотрят в глаза, а сами на грудь пялятся.

Андрей: – Да... Мимо пройти трудно. Что же поделать?

Женщина: – Мужчины все такие?

Андрей: – Вы можете ответить на интимный вопрос?

Женщина: – Не знаю... Спрашивайте.

Андрей: – У вас давно мужчина был?

Женщина (молчит несколько секунд, потом говорит): – Сказать правду стыдно, а соврать не могу... (пауза) А у вас? Женщина? (с вызовом)...

Андрей: – Два месяца назад.

Женщина: – Это почти вчера.

Андрей: – Для вас это почти вчера, для меня очень давно (усмехается). Вам не душно?

Женщина: – Уже нет.

Андрей: – Как же вас все-таки зовут?

Женщина: – Нас выпустят отсюда, и мы больше не увидимся.

Андрей: – Почему же? Мы же в одном здании работаем.

Женщина: – Я скоро увольняюсь отсюда. Так что, не надейтесь.

Андрей: – Жаль. Вы мне понравились.

Женщина: – Андрей, ваша жена выздоровеет и будет, все как прежде.

Андрей: – Это будет нескоро.

Женщина: – Такого не бывает.

Андрей: – Я не хотел бы рассказывать вам подробности...

Женщина: – Извините. Я не хотела вас обидеть.

Андрей: – Вы меня не обидели.

Женщина: – Я же живу как-то и ничего. Боль от потери мужа была такой сильной... И меня словно поместили в какой-то кокон. А потом я к нему привыкла, и уже ничего и не надо. Я уже в нем.

Андрей: – Это иллюзия такая? Самовнушение?

Женщина: – Это не иллюзия. Да и зачем вам, молодому мужчине, пожилая? Вас на старушек тянет?

Андрей: – Вы чуть старше меня. И мне уже больше сорока.

Женщина: – Странно. Я думала, что вы намного моложе.

Андрей: – Бывает. А вы искали мужчину после смерти мужа?

Женщина: – Конечно. И сейчас ищу.

Андрей: – Сейчас все в Интернете ищут...

Женщина: – Я тоже... А еще раньше обращалась в брачные агентства.

Андрей: – Надо же. Я и не думал, что кто-то ими пользовался. Все еще верите в чудо?

Женщина: – Просто нет другой возможности и времени. А с мужем я познакомилась через газету. По переписке. А как вы думаете, чудеса бывают? (смеется)

Андрей: – Бывают, наверное, но не в Интернете.

Женщина: – А я читала, что многие люди в сети знакомятся и женятся.

Андрей: – Бывает и такое... Но я сомневаюсь, что после пятидесяти такое возможно.

Женщина: – Почему?

Андрей: – Многие мужчины едва доживают до пятидесяти-пятидесяти пяти. Кого же вы там ищите? И в таком возрасте мужчинам... не всем, конечно, но очень многим, кто все-таки дожил, уже ничего не надо... Женщины интересней, энергичней... Хотят жить полноценно до самого конца.

Женщина: – Какие ужасные вещи вы говорите...

Андрей: – Про мужчин? Неужели вы этого не знаете?

Женщина: – Не хочу в это верить...

Андрей: – Конечно, не хотите. Вы же хотите верить в сказку и в чудо.

Свет опять гаснет. В лифте почти нет освещения.

Женщина: – Опять... Может, вы сделаете что-нибудь? Вы же мужчина? Вон есть люк на крыше. Откройте его и выберите наружу.

Андрей: – И что дальше? Если лифт поедет, например? Что я буду делать на крыше лифта?

Женщина: – Посмотрите, может быть можно двери открыть на ближайшем этаже...

Андрей: – Я высоты боюсь... Не полезу я никуда.

Женщина: – Что за мужчины пошли... Еще в друзья набивались...

Андрей: – Я не набивался.

Женщина: – Значит, в любовники.

Андрей: – Не вижу связи.

Женщина: – Андрей, вас кроме секса, что-нибудь в женщине интересует?

Андрей: – В настоящий момент нет.

Женщина: – Даже так? (удивленно)

Андрей: – Возможно... Интересует. Но сейчас я не могу сформулировать (улыбается).

Женщина: – Мне кажется, сейчас это не проблема. Заплатил и получил, что захотел. Главное, чтобы деньги были...

Андрей: – Мне не нравятся падшие женщины. И за деньги не нравится.

Женщина: – Продажная любовь вам неприятна?

Андрей: – Приходит чувство гадливости...

Женщина: – Понимаю. У меня был не очень... приятный случай. Не знаю, зачем я рассказываю вам, но хочу, чтобы вы знали. Я познакомилась с мужчиной. В Интернете....

Извините, устала. Как вы думаете, можно сесть на пол?

Андрей: – Садитесь.

Женщина садится на пол. Андрей стоит рядом с ней. Несколько двусмысленная ситуация.

Андрей: – Придется и мне сесть.

Садится на пол.

Женщина: – Познакомились. Встретились на улице. Погуляли. Он одинокий. А потом он предложил пойти к нему домой. Хотя может быть, и не одинокий он был. Как узнать? По обстановке у него дома я ничего не поняла... (пауза) Мы пошли к нему. И только зашли, он идет к шкафу, достает полотенце и подает мне. И говорит: «Душ прямо»... Знаете, какое чувство у меня было? Мне хотелось умереть. Я могла повернуться и уйти оттуда. Просто уйти. И никто бы меня не остановил. А я свою гордость задавила внутрь и осталась. И жалела после. Больше мы с ним не виделись. И не общались. Я после этого два года не могла смотреть на мужчин. Может быть вы не такой. Я не знаю.

Андрей: – Я не такой. И вас к себе не приглашаю.

Женщина: – Но может быть, вы хотите, чтобы я вас пригласила? Ведь хотите? Правда?

Андрей: – Мне, честное слово, все равно. Пригласите – буду рад, нет – так нет.

Женщина: – А мне не нужен мужчина, чтобы совокупляться, как животным. Без чувств. Ради плотского удовольствия. И даже ни ради продолжения рода. Это же похоть. Самая обычная человеческая похоть. И больше ничего. Что молчите? Разве вы так ни разу не думали...?

Андрей: – Знаете, есть такие слова «совокупляющийся с блудницей, становится с ней одной плотью»...

Женщина: – Откуда это? Очень правильные слова. Но я не блудница. Мне это глубоко чуждо.

Андрей: – Я не о вас... Простите, если обидел. Я о себе.

Женщина: – Вот видите. Вы сами все знаете. А почему делаете?

Андрей: – Слышите... Голоса...

Женщина (прислушивается): – Да. Это монтеры пришли. Да... Они. Нажмите «лифтерную».

Слышны голоса техников. Они где-то рядом.

Андрей: – Лифтерная? Лифтерная?

Лифтерная: – Да. Пришли техники. Скоро все наладят. Не волнуйтесь.

Андрей: – Я понял. Спасибо.

Загорается свет.

Андрей: – Вот и свет. Скоро поедем.

Женщина: – Зря я тут с вами разоткровенничалась. Сразу видно, что вы журналист. От одного присутствия начинаешь говорить, что ни попадя.

Андрей: – Не все такие. Вам просто одиноко. Ведь, правда? Жуткое одиночество. Разве взрослый сын может помочь вам? У него своя жизнь. Свои интересы...

Женщина: – Откуда вы знаете? (удивленно).

Андрей: – Если бы у вас была дочь, наверное, вы говорили бы как-то иначе.

Женщина: – С чего вы взяли?

Андрей: – Мне просто так кажется. Я прав?

Женщина: – Да. Вы правы (она подавлена). А вам знакомо это чувство? Душераздирающее. Рвет сердце на куски. Я даже собаку завела после смерти мужа. Она уже старенькая совсем, уже скоро умрет... Но она собака. Она слушает и молчит. Все, что я ей говорю, растворяется в воздухе. Что она понимает? Только мою тоску и печаль. Только мои интонации и чувства. Десяток слов...

Андрей: – А подруг разве у вас нет?

Женщина: – Подруг? Они в других городах... Книжки и собака – вот и все мои радости.

Андрей: – Самое печальное, что таких женщин, как вы, очень много...

Женщина: – Вероятно (пауза). Понимаете, мне нужен человек, с которым я смогу не только засыпать, но и просыпаться. И не один или два раза, а каждый день. Который бы принимал меня такой, какая, я есть. Толстая, старая... в очках. Если бы он смог полюбить меня... Ну, или хотя бы просто уважать.

Андрей: – Вы как ребенок...

Лифт тронулся.

Андрей: – Вот и все. Поехали.

Лифт через пять секунд остановился. Открылись двери.

Женщина: – Быстро.

Андрей выходит:

– Мой этаж... А вы?

Женщина: – Мне выше, прощайте. Хотя...

Подходит техник.

Техник: – Все нормально?

Женщина: – Да. Теперь можно ехать?

Техник: – Да. Думаю, что теперь проблем не будет.

Женщина выходит из лифта. Двери закрываются. Она быстро, не оглядываясь, направляется к лестнице.

Андрей и техник смотрят друг на друга.

Затемнение.

Картина вторая

Квартира Андрея. Андрей открывает дверь, входит в квартиру.

На диване сидит Полина. Они не виделись пять лет. Андрей знал, что она может приехать, но не знал даты приезда.

Андрей замечает Полину.

Андрей: – Полина? (удивленно-радостно). Вот так встреча... Откуда ты?

Подходит к ней, Полина встает с дивана, обнимаются. Целуются.

Полина: – Я всего на час. Проездом.

Андрей: – А как ты сюда попала?

Полина: – Твоя жена меня впустила (улыбается).

Андрей: – А почему не позвонила? Так неожиданно.

Полина: – Ты рад?

Андрей: – Конечно, рад. Очень рад. У тебя же есть мой телефон.

Полина: – Я звонила, а ты не отвечал. Я взяла такси и приехала. Адрес еще помню.

Андрей: – Ты ела? Хочешь есть? Аня дома была?

Полина: – Твоя жена? Да. Есть я не хочу.

Андрей: – Как муж, дети?

Полина: – Все замечательно. Ты как?

Андрей: – Я? По-разному...

Полина: – Что-то не ладится? В семье? Работа?

Андрей: – Как бы тебе сказать... Тебе это важно?

Полина: – Важно.

Андрей: – Я задам тебе откровенный вопрос... Можно? Так сказать, с места в карьер... Я давно хотел спросить... Много лет.

Полина: – Много лет... (усмехается). Давай.

Андрей: – Ты все еще любишь меня? Или...?

Полина: – У меня давно муж и дети. Какая разница люблю я тебя или нет. Ты мой друг. Понимаешь? А для остального – есть долг.

Андрей: – Долг? Ты сама это придумала?

Полина: – А как по-другому? Дети маленькие, им нужна моя забота, муж замечательный человек. Он меня любит. Я, наверное, тоже... А то, что было 20 лет назад – какая теперь разница? Расскажи лучше, что тебя тревожит...

Андрей: – Все эти годы я боялся сказать об этом.

Полина: – Боялся?

Андрей: – Мне казалось, что я разрушу что-то...

Полина: – Ты думаешь, что у меня есть какие-то иллюзии на этот счет? Думаешь, что я не знаю, какой ты человек?

Андрей: – Какой?

Полина: – Такой, какой ты есть. Непредсказуемый, спонтанный, совершенно ненормальный... Для меня всегда было загадкой, что же у тебя на самом деле в голове. Да ты и сам, наверняка, не знаешь... Ты живешь интуитивно... Так?

Андрей: – С тех пор, как ты позвонила мне и сказала, что можешь приехать, я готовился к этому разговору. Внутренне. Поверь, мне не просто сказать тебе, что я хочу сказать...

Полина: – Мне кажется, что тебе не надо этого говорить. Я не хочу это слышать. Не надо ничего ломать.

Андрей: – Но ты же хочешь это услышать?

Полина: – Хотела когда-то. Теперь не хочу. Я не уверена, что смогу правильно отнестись к этому. Мне, зачем эти страдания? Думаешь, что у меня мало других проблем?

Андрей: – Ты стала такой рациональной?

Полина: – Просто я хочу спокойной жизни. Понимаешь?

Андрей пытается обнять Полину.

Полина: – Андрей, не надо. Прошу тебя. Только не обижайся.

Андрей: – Давай сядем на диван.

Садятся.

Андрей: – Может чаю?

Полина: – Думаешь, мне легко было избавиться от всего этого?

Андрей: – От чего?

Полина: – От тебя, понимаешь? От тебя?

Андрей: – Зачем же от меня избавляться?

Полина: – Чтобы ты ушел изнутри и перестал тревожить. Ты знаешь, что это такое, когда ложишься в постель с мужем, а представляешь тебя? И вовсе не специально...

Андрей: – Догадываюсь... Но разве я виноват в этом? Разве я давал повод?

Полина: – Повод? А разве нет?

Андрей: – Я старался держать дистанцию.

Полина: – А зачем? Зачем ты ее держал? Для чего? Тоже долг? Но кому и что ты был должен тогда?

Андрей: – Не знаю.

Полина: – Придумал себе какие-то отношения. Ради чего? Что это было? От чего ты прятался? От кого?

Андрей: – От себя. По-моему, я был полный идиот.

Полина: – А люди, которыми пользовался, в чем они были виноваты? У многих остались в душе лишь руины... После тебя. Я думаю, что многие из них свои раны так и не исцелили...

Андрей: – Зря ты так говоришь. Мы все были завязаны в один клубок. В безумный клубок.

Полина: – Эти нити так и тянутся до сих пор. Невидимые нити.

Андрей: – Зачем же их обрывать? Да и невозможно это. Увы. Или может к счастью...

Полина: – Ты писал, что у тебя подруга молодая.

Андрей: – Да, было дело.

Полина: – И не одна...?

Андрей: – Разные были.

Полина: – Не понимаю, в чем смысл...

Андрей: – Я сам не понимаю.

Полина: – То хорошее, что можешь делать, не делаешь, а плохое – хочешь, не хочешь, а делаешь...?

Андрей: – Что-то в этом роде.

Полина: – Знаешь, почему я стала ходить в церковь? Ты знал об этом?

Андрей: – Из-за отца?

Полина: – Нет, не из-за отца. Все было намного хуже. Я прожила с этим столько лет. Я выросла с этой болью в моем сердце. Пока не поняла, что люди не могут дать утешения. Мне было 10 лет, когда умер мой брат. Ты знал об этом?

Андрей: – Нет.

Полина: – Ему было 2 года. Мать ходила с ним на руках по берегу, прижимая его к груди, и не могла плакать, только выла как волчица. Я вся леденела от ужаса от этого воя. Он стоял у меня в ушах еще несколько лет. Брат заболел. Тяжело заболел. И самое страшное не это. Он почти пошел на поправку. Мать посадила его на лавочку возле нашего дома. Во дворе. И на минуту зашла в дом. А когда вернулась, его уже не было... Он пропал. Исчез.

Андрей: – Исчез?

Полина: – Его искал весь наш маленький город, где я выросла. Искали двое суток. И... мы нашли его.

Андрей: – Полина (пытается обнять ее).

Полина отстраняется:

– У реки. Он будто бы спал. Но он не спал.

Андрей: – Кто это сделал?

Полина: – Мы не знаем. Никаких следов не было. Будто бы его кто-то выкрал, и за эти два дня, без лекарств, на холоде он умер. Была осень... (пауза). После этого отец начал пить.

Он совсем обезумел. Совершенно не понимал, где он и кто он... И как-то я пришла из школы домой. И он висел под потолком. Я не испугалась. Я все поняла. Я жила как в забытьи. Пока я не уехала оттуда. Я искала ответ на вопрос – почему? Ты же искал себя... А я была занята совсем другим. Как вытравить эту боль и понять – почему так все произошло...

Андрей: – И ты нашла ответы?

Полина: – Думаю, что да...

Пауза

Андрей: – Ты пахла молоком.

Полина: – Что?

Андрей: – Ты пахла молоком.

Полина: – Когда?

Андрей: – Ты была пьяна, помнишь? Самый первый раз.

Полина: – Смутно.

Андрей: – Не важно. Просто я запомнил твой запах.

Полина: – Он изменился?

Андрей: – Мне сложно сказать. Ты тогда была гораздо ближе, чем сейчас.

Полина: – Знаешь, с каким музыкальным инструментом мы тебя ассоциировали?

Андрей: – Музыкальным инструментом?

Полина: – Да, мы с подругами представляли, какой парень на какой инструмент был похож... Игра такая.

Андрей: – И на какой же?

Полина: – Не обидишься?

Андрей: – Едва ли.

Полина: – На фагот (смеется).

Андрей: – А вы знали, что это слово значит на сленге?

Полина: – Потом узнали. Жутко веселились.

Андрей: – Спасибо... (усмехается).

Полина: – А говорил, что не обидишься.

Андрей: – Я не обиделся.

Полина: – Зря я тебе все это рассказала? Да?

Андрей: – Нет. Ты поступила верно. Отсекла одним взмахом все мои попытки вторгнуться в твою жизнь...

Полина: – А что это изменит? Ты же не бросишь все и не начнешь новую жизнь? Всё. Не дернись. Крылья поставлены за дверь. Не взлететь. И мне тоже (пауза). Я очень рада, что повила с тобой.

Андрей: – Я тоже, хотя я ожидал чего-то другого (пауза). У меня твой брат теперь не выходит из головы. Кто мог это сделать? И зачем?

Полина: – Это уже не имеет значения. Бог все знает. Думаю, что тот, кто это сделал, получит то, что заслужил. Или уже получил.

Андрей: – У вас были враги?

Полина: – Враги? Не уверена. Мать любили все.

Андрей: – Может зависть?

Полина: – Может быть. Что об этом сейчас рассуждать? Я десять лет каждый день об этом размышляла...

Андрей: – А отец? У отца были враги?

Полина: – Мать ничего не говорила мне, и мы с ней эту тему не обсуждали. Пока отчим не появился, она почти все время молчала.

Андрей: – Да... Два раза в одну и ту же реку не войти.

Полина: – Старая истина. Что теперь об этом говорить? (пауза)

Почему-то страшное ходит рука об руку со смешным...

Андрей: – Что ты имеешь в виду?

Полина: – У нас петух был, старый уже совсем. Я помню его, когда еще была маленькая. Он тоже повесился. Через полгода или год после смерти отца.

Андрей: – Петух повесился? Сам? (в недоумении)

Полина: – Не понятно, как это произошло, но у него шея застряла в щели между досками. И он не смог выбраться. Мы так его и нашли – висел уже дохлый.

Андрей: – Жизнь вам не давала скучать.

Полина: – Я ведь с тех пор не могу смотреть ничего такого... Ужасного. Особенно кино.

Андрей: – Зато ты любила Тропик Рака... И Тропик Козерога... А я говорил тебе, что это вредная и опасная литература... (смеется).

Полина (смеется): – Это очень хорошие книги. Очень познавательные. И глубокие...

Андрей: – И наша невеста была уже с большим животом?

Полина: – Ты про меня? (улыбается). Да, живот уже было не спрятать.

Андрей: – Такой милый, классический сюжет – учительница и ученик.

Полина: – Слава Богу, это была не школа. А все-таки университет.

Андрей: – Нужно было устраивать личную жизнь?

Полина: – Да, нужно. Не старой же девой оставаться. У нас уже есть парочка. Обе мои сестры. Уже похожи на бабушек, хотя им нет и 35. А кто был рядом? Ты же не общался со мной тогда. Да и женат уже был... Хотя, если честно, я бы за тебя не вышла бы замуж.

Андрей: – Это почему же?

Полина: – Я не в силах жить с таким безумцем.

Андрей: – Что же во мне безумного?

Полина: – Скажи, что ты такой же, как все. Что все улицы заполнены такими людьми?

Андрей: – Думаешь, что я редкий экземпляр?

Полина: – Да, очень редкий, хоть в Красную книгу заноси.

Андрей: – А твой муж обычный?

Полина: – Скажем так... Он попроще, и намного. Хотя у него есть свои особенности.

Андрей: – У меня невеста была. Она считала, что замуж надо выходить без любви. Чтобы не мучиться.

Полина: – Ты хотел жениться на девушке, которая тебя не любит?

Андрей: – Я не женился. Не смог. Зато она свою мечту воплотила.

Полина: – Наверное, безумно счастлива? (с сарказмом)

Андрей: – Несомненно (улыбается). Истинная гедонистка. Хотя, чтобы получать больше наслаждения необходимо себя ограничивать.

Полина: – Интересная формула... (смотрит на часы). Мне пора. Проводишь меня?

Андрей: – Когда у тебя самолет? Может быть, останешься еще на один день? Погуляем по городу.

Полина: – Я не могу.

Андрей: – Странная встреча у нас получилась (грустно).

Полина: – Не грусти (целует Андрея в губы)...

Андрей удивлен.

Полина: – Это все, что я могу.

Андрей: – Я ничего не требую.

Полина: – Не лукавь.

Андрей: – Может быть, заказать такси по телефону?

Полина: – Не надо, на улице поймаем.

Встают с дивана.

Андрей: – Полина...

Насильно ее обнимает и целует в губы. Полина не сопротивляется. Открывается дверь. В комнату входит жена Андрея. Видит, что Андрей и Полина целуются. Они не замечают ее. Она наблюдает со стороны.

Полина: – Все. Хватит (отталкивает Андрея)

Полина и Андрей замечают Анну. Она молчит и смотрит на них.

Картина третья

Кабинет Андрея в редакции.

Секретарь: – Разрешите? (приоткрывает дверь в кабинет)

Андрей: – Да, конечно.

Секретарь: – К вам сестра Веры.

Андрей: – Пусть проходит.

В кабинет входит молодая девушка, двадцати лет.

Ольга: – Здравствуйте, вы меня помните?

Андрей: – Присаживайтесь. Конечно, помню. Жаль, не смог ничем помочь.

Ольга: – Прошло четыре месяца, как пропала сестра. И никакой зацепки.

Андрей: – Я знаю. Вы пришли, чтобы рассказать мне что-то важное? Есть новая информация?

Ольга: – На прокуратуру нет никакой надежды. Вся эта история крайне странная. Она исчезла и все. Только ключи от дома остались в лифте. Будто кто-то их подкинул. Специально. Ой.. Зачем я это рассказываю. Это и так все знают... Но я пришла вам рассказать о ее приятеле и его друге. Прокуратура совершенно не придавала этому значения.

Андрей: – Я слушаю (Андрей напрягся).

Ольга: – С этим Сашей она познакомилась случайно. Она старше его на 5 лет, но они учились в одной школе. И вот как-то раз он подвез ее с работы. Просто предложил. У них ничего такого не было, но почему-то все его друзья говорили о том, что они любовники. Что они собираются пожениться. А ведь это неправда. У Веры есть сын и муж. Хотя муж и не жил с ними, но они всегда вместе проводили отпуск. И Вера собиралась вернуться к нему. Накануне исчезновения она говорила мне об этом.

Андрей: – Чем же я помогу?

Ольга: – Дослушайте меня, пожалуйста...

Андрей кивает головой.

Ольга: – Это Саша... (Ольга вытаскивает фотографии из сумки)... Вот посмотрите. Он не совсем обычный человек (падает Андрею).

Андрей рассматривает фотографии.

Андрей: – Интересно...

Ольга: – Вот, посмотрите. Он встречал Новый год в женском платье. Один из всей компании. А там кроме него было еще шесть парней.

Андрей: – Может быть, он просто эпатажный человек.

Ольга: – А вот это фотография, я нашла ее в Интернете. Под ней была подпись: «Это меня фотографировала мама». Он же голый и прикрывается только шариком... Разве нормальный человек будет себя так вести?

Андрей: – Но его же проверяли на детекторе лжи...

Ольга: – Проверяли, через месяц после исчезновения Веры.

Если он псих, что ему детектор. Дело не в нем вовсе. А кто поднял шум, и устроил целое представление с поисками Веры? Кто? Собрал пятьсот человек для поисков...

Андрей: – Разве не он?

Ольга: – Нет, не он. Главный был во всем этом – Влад. Его лучший друг.

Андрей: – Это тот, который на следующий день выступал по телевизору?

Ольга: – Да. И самое странное – ведь друзья Саши с Верой были почти не знакомы. Она с ними не общалась.

Андрей: – Думаете, что Влад и Саша...

Ольга: – Я ничего не думаю. Влад ревновал Сашу. И это понятно всем, кроме прокуратуры.

Андрей: – Запутанная история. У вас есть адрес этого Влада?

Ольга: – Адрес есть. Я вам напишу. У этого Влада есть лодка и загородный дом.

Андрей: – Я так понимаю, его никто не проверял?

Ольга: – Влада не рассматривают в качестве подозреваемого.

Андрей: – Вы следователю об этом говорили?

Ольга: – Говорила. Он посмеялся.

Андрей: – Отчего же? Любая версия имеет право на существование. В нашем же городе был случай подобный. Там убийца был самый первым, кто помогал в поисках. Правда, девушку нашли. А он и на похоронах плакал. И потом с родителями общался... Просто через год дело попало в руки к опытному следователю и хорошему психологу. Начали заново проверять всех друзей и знакомых. И он не прошел детектор.

Возможно, что тут нечто похожее... А зачем Вере нужен был этот Александр?

Ольга: – Ей просто одиноко было.

Андрей: – Я слышал, что отец этого парня – Саши бросил мать и уехал в 90-е в США, с молодой девушкой. А самое любопытное – мать Саши тоже была молода, когда он с ней познакомился. Он какой-то ученый был. Причем, далеко за пятьдесят. Любил менять молодых жен.

Ольга: – Я не поняла, зачем Влад организовал весь этот балаган? Он же Вере никто. Даже не знакомый. Она с ним и словом не перекинулась.

Андрей: – Действительно, непонятно. А вы знаете, какой фильм смотрели Саша и Вера в этот вечер? Когда она пропала?

Ольга: – Ну, конечно. Что-то из Тарантино. Про каких-то евреев-убийц. Они жестоко убивали нацистов.

Андрей: – Ну и вкус...

Ольга: – Я не знаю, зачем они поехали смотреть именно такое кино.

Андрей: – А Вера не могла просто уехать куда-то? Начать новую жизнь?

Ольга: – Не вижу смысла. Никакого. Муж же вернулся сюда, и сына воспитывает. Один. И живет теперь в этой же квартире. В которую, она так и не попала в тот вечер.

Андрей: – Думаете, если я занимаюсь криминальными расследованиями, то смогу чем-то помочь?

Ольга: – Я надеюсь. Экстрасенсы все шарлатаны. Никто ничего не сказал. Я и не верила им никогда. Не понимаю, за что нам такое испытание...

Андрей: – Дом бы его проверить, конечно... Хотя столько времени прошло.

Ольга: – Влада?

Андрей: – Ну, да. Где он у него?

Ольга: – Коттеджный поселок РЕКА.

Андрей: – Далеко. И адрес известен?

Ольга: – Вот домашний, вот адрес за городом (пишет на бумаге). Я даже схему нарисовала, где его дом.

Андрей: – Я, конечно, не обещаю ничего. К тому же, он может просто отказаться от встречи со мной.

Ольга: – Хотите, мы вместе его дом за городом проверим?

Андрей: – Что же вы раньше этого не сделали?

Ольга: – Никто меня не слушал. Улик нет никаких, а людей они гонять туда не собираются просто так. Так и сказали.

Андрей: – Столько времени прошло, не уверен, что будет какой-то толк...

Ольга: – Может быть, моя интуиция меня не подводит...? И еще. Ведь Вера даже не приснилась никому ни разу за это время. Совсем. Я каждый день ложилась спать и надеялась, что хоть какой-то знак будет. Хоть какой-то ответ. Хоть что-то... Ничего. И ни отец, ни мать никаких снов не видели. А вот, когда бабушка умерла, она к нам первое время часто во сне приходила... Может быть, Вера все-таки жива? Ну, не знаю... Какой-то негодяй ее держит у себя... Что-то такое...

Андрей: – Я не следователь, у меня никаких возможностей нет. Только личный интерес. И немного наглости. Можно рискнуть. И незаконно посетить дом Влада... Попробуем, конечно... Куда деваться...

Ольга: – Когда поедем?

Андрей: – Давайте я вам позвоню. Но поселок охраняемый, как я понимаю...

Ольга: – У Влада недостроенный дом. С его стороны как бы охраны и нет. Это новые участки. По-моему, вечером там только собаку выпускают.

Андрей: – Только? (смеется) И как же мы с ней справимся?

Я бы с охраной поговорил, да только сейчас уже поезд ушел. Четыре месяца не шутки. Никто ничего не вспомнит. Приезжал Влад вечером пятого апреля или нет...

Ольга: – Давайте днем попробуем. У моей подруги там коттедж. Строится рядом. Втроем поедем. Нас пустят.

Андрей: – Да я сам попробую. Возьму друга с собой.

Ольга: – Вас не пустят туда.

Андрей: – Я думаю, что с его удостоверением его хоть куда пустят.

Ольга: – Ну, раз вы сами готовы, то давайте так. Только вы мне потом обязательно позвоните.

Андрей: – Конечно. Куда же я денусь...

Ольга встает со стула. Собирается уходить.

Ольга: – Я очень на вас надеюсь.

Андрей: – ОЧЕНЬ не надо надеяться (усмехается). Я помогу, чем смогу. Проверю.

Ольга: – Все равно. Заранее вас благодарю.

Андрей: – Телефон у вас мой есть?

Ольга: – Да. Когда позвонить?

Андрей: – Может через неделю? Попробую на днях туда наведаться. Только о том, что вы были у меня, никому не говорите. Хорошо?

Ольга: – Конечно.

Андрей: – Никому. Ни подругам, ни друзьям. Ни родителям.

Ольга: – Поняла.

Андрей: – Сможете? Иначе толку от моей поездки не будет. В этом поисковом отряде Влада, наверное, все друзья друзей...

Что знают двое, знает свинья.

Ольга: – Что?

Андрей (улыбается): – Поговорка такая. Не болтать, значит.

Ольга: – Хорошо. До свидания.

Андрей: – Всего доброго.

Встает, открывает Ольге дверь.

Возвращается в кабинет.

Андрей набирает номер телефона.

Андрей: – Рома, привет... Да. Все нормально... Ты будешь свободен на этой неделе? Ну, не знаю когда... В любой день. В будний... Взять? Ксиву возьми. Ствол? Не надо.

Оденься попроще. Поедем? На твоей лучше. Чтобы не светиться. Позвонишь мне заранее? Ну, буду очень тебе благодарен. Да, супруге привет от меня. Пока. До встречи.

Кладет трубку.

Открывает дверь, выглядывает из кабинета.

Андрей: – Леночка, сделайте мне, пожалуйста, кофейку. С молоком и сахаром.

Садиться за стол. Чешет лоб. Глупо смотрит в экран компьютера.

Картина четвертая

Квартира Влада. Большая просторная студия.

У Александра дорогой фотоаппарат. Он хороший фотограф.

Влад собирается позировать ему. Влад ниже ростом, чем Александр, но лучше сложен. Мускулист.

Влад: – Сейчас я сниму рубашку (снимает и бросает на пол). Вот так.

Александр: – Давай. Какой же ты красивый (с восторгом) (нажимает на кнопку спуска).

Влад: – Снимай (позирует, напрягает бицепсы).

Александр: – Ты моя лучшая модель (снимает).

Влад: – А теперь так...

Влад вытаскивает из-под дивана топор с длинной ручкой.

Александр: – Ого... Вот это вещь.

Влад: – Еще бы. Отличная вещь. На природе без нее никак.

Влад высоко прыгает с топором и имитирует, что он наносит удар по невидимому противнику в полете.

Александр: – Еще. Давай еще.

Влад повторяет.

Влад: – Ну, как получилось?

Александр: – Великолепно. Посмотри.

Влад: – Потом на компе покажешь.

Александр: – Хорошо.

Влад снимает брюки, остается в мужских стрингах. Позирует. Александр снимает.

Александр: – О, как ты сложен. Отлично. Замечательно (снимает).

Влад берет женский длинный платок – парео. Позирует с ним. Заворачивается в него.

Александр: – Влад, это просто супер фотографии.

Влад: – Ну, на сегодня хватит.

Александр: – Да, классно получилось.

Влад одевается, но остается по пояс голый. Обнимает Александра за плечо.

Александр: – Спасибо тебе. Помнишь, на озеро ездили... Тоже классно получилось.

Влад: – У тебя, Саня, талант. А помнишь, мы сделали фотосессию «Похищение невесты»?

Александр: – Конечно, мы второй приз взяли. Здорово получилось. И кровь на платье как настоящая.

Влад: – А я играл похитителя...Кстати...(берет в руки топор). И топор этот там был.

Александр: – Да. Ты был в черном костюме и с топором. И такое размытие. Так фон я здорово размыл. На фоне леса. И ты такой объемный. Очень красиво. Снимал на открытой.

Влад: – Ты классный фотограф.

Александр вдруг задумался и загрустил.

Влад: – Что загрустил так внезапно?

Александр: – Да...Так...

Влад: – Веру вспомнил?

Александр: – Как ты тонко меня чувствуешь...

Влад: – Мы же друзья. Не грусти. Что было – не вернуть. Ведь мы же все сделали, что могли. Все. Мы себя винить не должны. И ты не должен. Главное, что МЫ вместе.

Александр: – Муж ее теперь живет в той же квартире. С сыном.

Влад: – Он некрасивый. Рыжий какой-то. Толстоват. Она была такая изящная.

Александр: – Может быть она еще жива?

Влад: – Ну, если только у маньяка где-то живет. Но видишь – никаких результатов.

Александр: – Я ведь на самом деле Веру не у самого подъезда высадил.

Влад: – Какое это имеет значение.

Александр: – Вроде бы я виноват. Мог бы и проводить до самого подъезда.

Влад: – А тебе фильм-то понравился?

Александр: – Какой?

Влад: – Который вы с Верой смотрели?

Александр: – А почему ты вспомнил?

Влад: – Ну, я ведь тоже там был.

Александр: – Где был?

Влад: – С вами, в кинотеатре.

Александр: – В тот вечер?

Влад: – Конечно, только вы меня не видели.

Александр: – Но почему ты мне ничего не сказал?

Влад: – Мне было интересно понаблюдать за твоей реакцией. Я в последний момент поехал. А не звонил, чтобы не мешать вам.

Александр: – Не понимаю (обиженно).

Влад: – Обиделся?

Александр: – Нет. Просто странно это как-то.

Влад: – Ну, просто так получилось (пауза). Кровавое кино, конечно.

Александр: – Это же Тарантино.

Влад: – Это он (пауза). Мы последний год очень редко собирались. Ты был все время занят.

Александр: – Ты же знаешь...

Влад: – А Вера, выходит, и не собиралась с тобой ничего строить...

Александр: – Что ты имеешь в виду?

Влад: – Я имею в виду семью...

Александр: – Мы были просто друзья.

Влад: – Ты же говорил другое...

Александр: – Я ничего не говорил.

Влад: – Говорил. Все ребята думали, что вы... как сказать... Не просто друзья.

Александр: – Это сплетни.

Влад: – Ты мне, как лучшему другу, мог бы и правду сказать. Ты же даже с сыном ее фотографировался. Прямо как новый папа выглядел...

Александр: – Мне Вера очень нравилась. Ты знаешь. Что еще? И с сыном ее мы были друзья.

Влад: – Она же старше тебя была. Неужели мало молодых девчонок.

Александр: – Она другая. Не такая, как все.

Влад: – Выбор мне ее не понятен. Я имею в виду мужа. И сын на него похож. Вылитый папаша.

Александр: – Она просто рано замуж вышла. В 18 лет. Трудные времена были. Для ее семьи.

Влад: – По расчету что ли?

Александр: – Не совсем. Но...

Влад: – И что же в ней необычного?

Идет к музыкальному центру.

Влад: – Хочу поставить свою любимую... (включает Elton John – Believe)... Без музыки жизнь была бы ошибкой (улыбается)... Я негромко, чтобы не мешал разговаривать.

Александр: – Она очень умная.

Влад: – И ты тянулся к знаниям?

Александр: – Влад, ну, зачем ты меня обижаешь?

Влад: – Прости, дорогой (обнимает друга). Просто я очень соскучился по тебе за это время. Мне тебя очень не хватало. Понимаешь?

Александр: – Мне тоже.

Влад: – Теперь мы снова вместе. Всегда будем рядом. И в радости, и в беде.

Александр: – Давай махнем на катере, к тебе. За город.

Влад: – Ко мне? Да там ремонт... Лучше к тебе. И гораздо ближе.

Александр: – Ну и что? Разве ремонт помешает?

Влад: – Там же живут рабочие...

Александр: – Ты мне ничего не говорил.

Влад: – Брат матери занимается. Не волнуйся. Может, в октябре поедем, если будет еще тепло. Тогда они уже съедут.

Александр: – Да мы просто там рядом остановимся. Не обязательно жить там.

Влад: – Посмотрим. Вдвоем?

Александр: – Можем еще ребят позвать....

Влад: – Мы же всегда у тебя собирались. У меня и бани нет пока.

Александр: – Зато у тебя там места красивые.

Влад: – Да, славные места (задумывается).

Александр: – Палатку возьмем. Пофотографируем. Костёрчик вечером.

Влад: – Когда хочешь поехать?

Александр: – В выходные. В следующие. А?

Влад: – Давай попробуем. Пивка возьмем...

Александр: – Вдвоем?

Влад: – Посмотрим. Обзвоним всех... И там уже решим. Эх, Сашка, как же я рад, что мы с тобой теперь опять вместе... Как раньше.

Александр: – Только вот Вера так и не нашлась. Ужасно это.

Влад: – Ну, что ты можешь сделать? Что? Все. Полтысячи человек. Подумай только!!! Пятьсот и даже больше... Искали. Всё осмотрели. Пропал человек. Может, увезли ее куда. Не кори себя. Сын с отцом. Не сирота.

Александр: – Не все мы осмотрели. Дачи, поселки коттеджные – их никто не проверял.

Влад: – Думаешь, что там может что-то быть?

Александр: – Не знаю. Но ведь не проверили.

Влад: – Не грузись ты... Ну, всякое в жизни бывает.

Александр: – Разве такое у кого-то бывает?

Влад: – У нас в стране каждый год сто тысяч людей пропадает...

Александр: – Так много? Правда?

Влад: – Конечно.

Александр: – А тебе Вера не очень нравилась?

Влад: – Саша, ну почему она мне должна была нравиться или нет. Мы даже и не знакомы почти были.

Александр: – А все-таки?

Влад: – Я к ней нормально относился. Но я думаю, что женщине нужна плетка.

Александр: – Как это плетка?

Влад: – Жесткая рука. Ее надо направлять. Управлять. Им это нравится.

Александр: – Думаешь? Ну, ты-то не такой. Ты же романтик...

Влад: – Я такой (улыбается), но никто не знает об этом...

Александр: – Как ты думаешь, а почему не помогли экстрасенсы?

Влад: – Обычные шарлатаны оказались. Сброд.

Александр: – Люди говорили, надо было сходить в церковь, помолиться... Свечи поставить.

Влад: – Ты веришь в это?

Александр: – Верю...

Влад: – Я бы поверил только в такого Бога, который умел бы танцевать.

Александр: – Танцевать? Ты шутишь?

Влад: – Шучу. Просто у меня сегодня такое настроение. Извини. Ты грустишь, а я вот никак не могу настроиться на твою волну...

Александр: – Это ты извини. Все. Я больше не буду об этом...

Влад: – Еще десяток фотографий? А? (улыбается)

Александр: – Давай...

Влад позирует, Александр снимает.

Влад: – Можно нескромный вопрос? Как друг ответишь? Только без обид?

Александр: – Отвечу.

Влад: – Я лучше позирую, чем Вера?

Александр: – Вера не очень позировать любила... Ты лучший.

Влад: – Хочешь сессию в стиле НЮ?

Александр: – С тобой? (улыбается)

Влад: – А с кем еще?

Александр: – Прямо сейчас?

Влад: – Как скажешь...

Александр: – Давай на природе. Когда к тебе поедем ...

Влад: – Помнишь, мы ездили на рыбалку, и пошел дождь. А мы, чтобы не мочить одежду, разделись догола. А одежду в палатку спрятали...

Александр: – Да. Смешная история. У меня даже фотки остались.

Влад: – А вдоль берега сидела куча рыбаков...

Александр: – Метров через сто друг от друга. В обе стороны... На несколько километров. Они сначала ничего не понимали, что два парня голые ловят рыбу...

Влад: – А потом у них, наверное, случился шок...(смеется)...

Александр: – У нас же просто не было ничего. Как мы так забыли одеться. Ни зонтов, ни курток. Ничего непромокаемого.

Влад: – Зато дождь кончился, мы обтерлись и все... Оделись в сухое...

Александр: – Поверни голову чуток.

Влад (поворачивает): – Так?

Александр: – Да, хорошо (снимает).

Влад: – А помнишь мы в поезд садились... А у нас были билеты в разные купе. Я тебе голову на плечо положил. И так ласково на проводницу посмотрел. Вот смех-то был...

Александр: – И сказал ей: «Нам, найдите, пожалуйста, на двоих, хоть самое маленькое... Но чтобы вместе» (смеется). И ведь нашла...

Влад: – А куда она денется...(смеется).

Александр: – Еще и чаёк нам все время носила.

Влад: – Да. Очень была добра... (пауза). Ты знаешь, мне кажется женщина не способна к дружбе...

Александр (опускает фотоаппарат) : – Какая женщина?

Влад: – Любая. В ней живут раб и тиран. Понимаешь?

Александр: – Я не замечал.

Влад: – Ну, как же? Она может либо повиноваться, либо командовать мужчиной. Любая женщина. Повинуется в слепой любви к хозяину. Счастье такой женщины называется: «Он хочет». Сечешь?

Александр: – Ну, как-то не очень...

Влад: – Или же она сама хозяйка, которая любит своего раба... Любит мучить. Своей особой, садистской любовью. А сколько таких матерей? У которых забота хуже ненависти.

Александр: – Не знаю...

Влад: – Они все кошки... (пауза) или коровы. Узнаешь это еще ни раз... И меня вспомнишь.

Александр: – Влад, мне пора...

Влад: – Посиди еще.

Александр: – Влад, извини. Давай созвонимся на неделе. И решим, когда поедем к тебе...

Влад: – Саня, мы же уже договорились... Друг – это праздник. Который всегда со мной (улыбается)... (хлопает по плечу Александра).

Александр: – Влад, если я что-то не то тебе сказал. Вдруг. Не обижайся.

Влад: – Ты что? Как я могу на тебя обижаться...

Александр уходит. Влад машет ему рукой.

Возвращается в комнату:

– Сучка...

Картина пятая

Андрей приезжает в небольшую частную клинику за городом. Он входит в холл. Подходит к медсестре за стойкой.

Андрей: – Добрый день, я ищу господина Смецкого.

Сестра: – Вам назначено?

Андрей: – Мы созванивались. Я не пациент. По личному вопросу. Андрей Минин.

Сестра вызывает по внутренней связи: – Людвиг Борисович, к вам... Андрей Минин. Хорошо...

Сестра (обращается к Андрею): – Прямо по коридору. Первая дверь направо (улыбается).

Андрей: – Благодарю вас.

Подходит к двери. Стучит.

Смецкий: – Да, Андрей, входите.

Андрей входит в кабинет Смецкого.

Смецкий привстает, падает руку. Андрей пожимает.

Андрей: – Добрый день.

Смецкий: – Добрый день, очень рад, что вы приехали. Давненько мы не общались. Чай, кофе?

Андрей: – Нет, благодарю. Времени у меня немного. Давайте сразу начнем.

Смецкий: – Конечно-конечно.

Андрей: – Как я понял, Вера работала у вас в прошлом году?

Смецкий: – Все верно. Работала она у нас два года и работала хорошо. Никаких нареканий. Исключительный работник и человек замечательный.

Андрей: – Никакого изъяна, все идеально? Разве так бывает, Людвиг Борисович?

Смецкий: – Бывает, дорогой Андрей... Я вот читаю почти все ваши статьи. Сейчас так никто не пишет. Не умеют. Уровень журналистики упал катастрофически. Да вы и сами зна-

ете. Везде сложности. И в медицине не все просто. Полное отсутствие кодекса чести. Общество деградирует. Люди полагают, что им все дозволено. Своеволие, разврат и отсутствие нравственности. Такие понятия как дружба, достоинство, честь, в конце концов, сегодня являются попросту пустым звуком. Для очень многих, дорогой мой.

Андрей: – Я думаю, что вы меня позвали не для того, чтобы петь мне дифирамбы и рассуждать об упадке нравов (улыбается).

Смецкий: – Вы все-таки послушайте меня. Я в последнее время очень жалею о том, что в наше время запрещены дуэли. При том количестве мерзавцев, которые нас окружают, эта практика вполне могла бы принести свои плоды!

Андрей: – Мне, конечно, очень приятно, что до сих пор на земле есть такие люди, как вы, Людвиг Борисович... Хотя я не уверен, что дуэли бы решили проблему.

Смецкий: – Андрюша, не обижайтесь. Я отнимаю ваше время, но иной раз мне очень не хватает общения с умным собеседником.

Андрей: – Давайте вернемся к тем вопросам, которые нас очень волнуют. Как я понял, милиция вас не посещала.

Смецкий: – В том-то и дело, что нет.

Андрей: – А почему Вера ушла из вашей клиники. И перешла в государственную? Там же зарплата намного ниже? И когда она уволилась?

Смецкий: – Уволилась она в конце года. В середине декабря, а после Нового года уже работала в муниципальной.

Андрей: – Она там и трех месяцев не проработала... Вот как выходит.

Смецкий: – Дорогой Андрей, уволилась она не просто так. Именно об этом я и хочу вам рассказать. Дело в том, что последние полгода к ней ходил один молодой человек. Необычный пациент.

Андрей: – Александр?

Смецкий: – А вот и не Александр... Саша был ее другом, часто забирал после работы на своем авто.

Андрей: – Карточка сохранилась?

Смецкий: – Сохранилась.

Андрей: – То, есть вся информация, кто это и где его найти, имеется.

Смецкий: – Он начал посещать ее в апреле прошлого года. А в сентябре пропал.

Андрей: – Как пропал? Людвиг Борисович, давайте подробней.

Смецкий (достает карточку): – Владислав Улицкий, 24 года.

Андрей: – Никуда он не пропал. Живет себе... (удивленно, в недоумении).

Смецкий: – Я имею в виду, что он перестал ходить к ней на прием.

Андрей: – А какой у него диагноз?

Смецкий: – А это врачебная тайна, дорогой мой (улыбается).

Андрей: – Не расскажите? Но что-то связано с психиатрией?

Смецкий: – Никакого конкретного диагноза нет. Вот почему я назвал его НЕОБЫЧНЫМ пациентом. Посещал он Веру Николаевну один-два раза в месяц. Всего восемь посещений. В разное время. Собственно говоря, карточка-то почти пуста. Посещения отмечены. А вот анамнеза нет. За приемы он платил. Все, как полагается.

Андрей: – И что вы думаете об этом?

Смецкий: – Милый мой Андрей, я ничего не думаю. Наши правоохранительные органы настолько не профессиональны, что у меня нет слов. Не проверить ее пациентов – как это называется?

Андрей: – Зато они проверили всех, кто был у нее на приеме с января до исчезновения. Похоже, с Владом нужно встретиться и побеседовать. Других вариантов нет. Но тут есть одна

сложность. Он может просто послать меня куда подальше (пауза). Подключить органы? ... Не знаю, какой от этого будет толк.

Смецкий: – Наш район небольшой, клиника наша известная, цены умеренные. У нас много пациентов, которые друг с другом знакомы. И врачи. Такая полудомашняя клиника.

Поэтому разговор с Владом, я думаю, ничего не даст... А вам это информация к размышлению. Но, дорогой Андрей... Это не все. Я рассуждал о чести и достоинстве, а сейчас мне придется скатиться к уровню базарной бабы. Да-да. Не удивляйтесь. Но меня оправдывают обстоятельства: Верочка пропала. И одному Богу известно, жива ли она.

Андрей: – Заинтриговали...

Смецкий: – Мне неприятно говорить об этом, но... Верочка сделала в нашей клинике аборт. В ноябре прошлого года. И спустя две недели уволилась (тихим голосом).

Андрей: – Думаете это как-то связано?

Смецкий: – Я же говорю, клиника полудомашняя. Я, конечно, сделал выговор нашему врачу, который не умеет держать язык за зубами. И не просто выговор, а предупредил, и наказал рублем... Но не уволил. Великолепный врач, но... нарушил заповедь. А Верочка услышала, как он поделился с другим врачом. Случайно услышала. Я, правда, сделал все возможное, чтобы эта информация никуда далеко не ушла, и тем более за пределы клиники... Но для Веры это была настоящая трагедия. Понимаете? Это был ее первый в жизни аборт. И очень тяжелый. А тут еще разговоры пошли... Не смогла она тут оставаться (тихо и очень искренне).

Андрей: – Людвиг Борисович, я вам очень благодарен. Даже не знаю, чем я могу вас отблагодарить... Но эта информация запутала все окончательно.

Смецкий: – Благодарить меня не надо. Продолжайте писать свои честные статьи. Мне очень приятно Вас читать (пауза). Вы же, умный, Андрюша. Зачем нам Бог дал ум? Чтобы мы могли думать и не просто думать, а решать самые сложные задачи... Распутывать запутанные ситуации. Мыслить, и, следовательно, существовать.

Андрей: – Можно только предполагать, кто может быть отцом ребенка...

Смецкий: – Для меня это тоже загадка. Вполне вероятно, что муж. Они проводили отпуск вместе. Всегда. Хотя и не жили вместе последнее время. Так что я бы не стал притягивать за уши Владислава Улицкого к ее увольнению. Оснований нет. Что касается информации, которая содержится в карточке, то она вам ничем не поможет.

Андрей: – Там все-таки есть какие-то записи?

Смецкий: – Можно сказать, что нет. «Жалоб нет» и все. Только в последнее посещение Вера Николаевна написала странное – «Человек-волк».

Андрей: – И все?

Смецкий: – Да. Необычное сочетание. Я не понимаю, что она имела в виду.

Андрей: – Людвиг Борисович, это не удивительно, вы же не психиатр (улыбается).

Смецкий: – Вы поняли смысл этой загадочной фразы?

Андрей: – Отчасти...

Смецкий: – Как приятно беседовать с образованным человеком, Андрюша.

Андрей: – Людвиг Борисович, вы мне карточку не отдадите?

Смецкий: – Простите, Андрей, я вам все рассказал. Я свою миссию выполнил. Надеюсь, что это поможет отыскать Верочку. Так не хочется прощаться с вами, но у меня пациенты. Приемы. Я и так с трудом нашел небольшой просвет в расписании. Желаю вам удачи.

Андрей: – Людвиг Борисович, можно нескромный вопрос?

Смецкий: – Не стоит... Я даже знаю, что вы спросите. Нет, Андрей, я знаю отца Верочки. Он военный врач, и мы с ним учились в одном институте, кстати. И в свое время даже по работе приходилось общаться. Я не ухаживал за Верой, и в клинике у нас это не принято. Я человек строгих правил и определенных принципов. Тем более тут работает моя супруга. У нас всё на виду.

Смецкий встает, подает руку: – Андрюша, извините, мне пора работать. Всего доброго, до свидания.

Андрей: – До свидания, Людвиг Борисович. Простите.

Смецкий: – Ничего страшного. Это ваша работа – задавать неприятные вопросы.

Андрей: – Благодарю Вас...

Андрей выходит из кабинета.

Людвиг Борисович задумчиво сидит за столом. На лице грусть:

– Да... Когда же человечество пошло не тем путем...?

Картина шестая

Ресторан. Анна и Андрей сидят за столиком.

Полумрак.

Анна: – Я думала, что ты не придешь...

Андрей: – Почему?

Анна: – Ну, я все-таки вас застукала.

Андрей: – Ты так это называешь? Мы просто друзья.

Анна: – Конечно... Так я и поверила. Ты меня за дурочку держишь? Я ведь не знаю, чем вы там занимались в молодости... Да и меня не было почти час. Это ведь быстро. Раз-два.

Андрей: – Думай, что хочешь. Между нами нет никаких сексуальных отношений.

Анна: – Так крепко обнимались... Ты меня так никогда не обнимал. Ну, может быть лет пятнадцать назад.

Андрей: – А кто в этом виноват?

Анна: – Я виновата?

Андрей: – Ты зачем меня позвала? Отношения выяснять? Я не хочу.

Анна: – Дома ты с любовницами обнимаешься... На работе ищешь каких-то исчезнувших девушек. Интересно, почему именно девушек. И, конечно, молодых девушек.

Андрей: – Не надо говорить глупости.

Анна: – Я не глупее тебя. Из всех мужчин только ты так со мной разговариваешь.

Андрей: – И много их у тебя?

Анна: – Достаточно.

Андрей: – Тогда что тебе нужно от меня?

Анна: – Чтобы ты был человеком, а не говном на палочке.

Андрей: – Что для этого нужно сделать?

Анна: – Проявить ко мне внимание. И уважение.

Андрей: – И все сразу станет как прежде.

Анна: – Как прежде уже ничего не станет. Но это хоть как-то меня утешит.

Андрей: – Сходи в церковь, там тебя утешат.

Анна: – Хам.

Андрей: – Аня, давай разберемся. Я не видел Полину, Бог знает сколько лет. У нее своя жизнь, у меня своя. Она заехала на час, и зачем нам вместо общения делать ЭТО? Это же абсурд полный... Я идиот?

Анна: – Мне кажется, что да.

Андрей: – Зачем ты живешь с идиотом?

Анна: – Такая судьба.

Андрей: – Судьбу изменить просто. Раз... И все. Мы живем отдельно.

Анна: – А я тебя позвала именно за этим.

Андрей: – Наконец-то.

Анна: – Я не собираюсь с тобой разводиться. Просто предлагают тебе съехать к родителям.

Андрей: – Я своих стариков расстраивать не собираюсь, да и негде мне у них жить. Давай я к твоим перееду...

Анна: – Какой умный... У них тоже нет для тебя места. Снимай квартиру.

Андрей: – Хорошо. Я буду жить в кабинете, на работе.

Анна: – С секретаршей?

Андрей: – Не устраивает?

Анна: – Нет, конечно.

Андрей: – То есть мне некуда деваться?

Анна: – Я расскажу тебе одну историю, может быть, это тебя как-то взбодрит.

Андрей: – Интересная история?

Анна: – Я надеюсь...

Андрей: – Можно я поем?

Анна: – Конечно, кушай, дорогой.

Андрей начинает есть.

Анна: – Вкусно? Я могу рассказывать?

Андрей: – Давай.

Анна: – Я тоже время даром не теряла...

Андрей: – Уже интересно.

Анна: – Мне несколько месяцев назад позвонил мой друг. Моя первая любовь. Представляешь?

Андрей: – Здорово. И как он?

Анна: – Отлично. Мы с ним уже несколько раз встречались.

Андрей: – Плодотворно?

Анна: – Более чем... Мы с ним не виделись десять лет. А может больше.

Андрей: – Пока не впечатляет. Чем он занимается?

Анна: – Он занимается тем, что спит с твоей женой.

Андрей запивает еду вином: – Банально. Ты же мне говорила, что больна и не можешь этим заниматься... Это он тебя чем-то заразил? Не предохранялись?

Анна: – Это было до моей болезни.

Андрей: – Гадко, правда?

Анна: – Нет, очень даже приятно...

Андрей: – Будете продолжать?

Анна: – Нет, не будем.

Андрей: – А что так? Потенция у него пропала? Или еще что?

Анна: – Дурак, ты, Минин, я тебя обманула. Ты непробиваемый. Ничего не чувствуешь. Тебя никто, кроме своей собственной персоны, не интересует. Ничего не волнует. И ко мне ты относишься, как ...Даже не знаю, как к кому... Ты меня считаешь такой же, как ты? Да? Что я могу предать, изменить, сделать гадость кому-то? Ты такой меня считаешь? (повышает голос)... Я не понимаю, как можно быть таким негодяем? Ты же настоящий подлец. Эгоист. Ну, скажи, тебя интересует, чем я живу? Что у меня на душе? Ты даже про пятидесятителетие нашей свадьбы забыл. Тебе же не нужны праздники... Ты не танцуешь со мной. Не даришь подарков. Это же банально, ты же ТАК считаешь?

Андрей: – Ты права, я никуда не годен. Куда ты смотрела, когда замуж выходила?

Анна: – Куда я смотрела? Ты был хорошим человеком. Ты в церковь ходил... А сейчас ты кто? Журналистишка? Известный, да только толку-то от этого??? Зачем ты вообще живешь? Для кого, кроме себя?

Андрей: – Я помогаю людям.

Анна: – Ты совсем спятил. Каким людям?

Андрей: – Разным.

Анна: – И кому ты помог?

Андрей: – Какая тебе разница? Ты их все равно не знаешь...

Анна: – Их посадили или освободили?

Андрей: – Читай наши газеты и журнал. Там все есть.

Анна: – А мне не интересно читать. Я 20 лет в руки газеты не брала.

Андрей: – Есть Интернет. Там это все есть.

Анна: – А тебе самому не хочется рассказать мне? Просто, чисто по-человечески поделиться?

Андрей: – Аня, у меня просто сил не остается на это.

Анна: – А на что у тебя есть силы? Ты даже потолок в туалете не можешь сделать. Краска вся облезла. Тебя это трогает?

Андрей: – Будет время и желание, я сделаю.

Анна: – Желание? У тебя его никогда не будет. Ты даже не думаешь об этом. Все статейки свои пописываешь. Вонючие.

Андрей: – Я не думаю об этом.

Анна: – А я что говорила? А дети? Ты ими совсем не занимаешься. Ты даже не знаешь, в каком классе учится твой сын и дочь.

Андрей: – Зачем мне это знать?

Анна: – То есть ты считаешь, что это знать не надо?

Андрей: – Я хожу с ними в кино. Иногда... Слушай, а давай сходим в театр, может это тебя как-то успокоит?

Анна: – В театр? Смотреть на твою вечно недовольную физиономию?

Андрей: – Если постановка хорошая...

Анна (перебивает): – Ты даже в хорошей найдешь, к чему придраться...

Андрей: – Просто у меня хороший вкус.

Анна: – Вкус у тебя хороший?

Андрей: – И образование.

Анна: – Самодовольный болван.

Андрей: – Тебя послушать, на мне клеймо ставить негде.

Анна: – Я тебя предупреждаю. Если ты не сделаешь выводы, то я уйду от тебя.

Андрей: – Куда ты уйдешь? Мы будем с тобой вместе до самого конца.

Анна: – Если тебя такой вариант устраивает, то меня нет.

Андрей: – Ты мне угрожаешь? Или шантажируешь?

Анна: – Я тебя предупреждаю. Ты дурака-то не включай... Любишь поиграть в дебила?

Андрей: – Аня, как ты разговариваешь?

Анна: – Интеллигента из себя строишь?

Андрей: – Никого я не строю...(жует). Вкусное мясо.

Анна: – Понравилось? Слава Богу, угодила.

Андрей: – Так вроде бы не ты его готовила.

Анна: – Я его заказала.

Андрей: – Благодарю тебя. Отличный выбор.

Анна: – Ты станешь опять человеком или нет?

Андрей: – Я человек.

Анна: – Ты не человек.

Андрей: – А кто я?

Анна: – Ты животное. Мужчина.

Андрей: – Все мужчины такие?

Анна: – Почти.

Андрей: – Женщинам очень трудно жить в этом мире?

Анна: – Невыносимо. Как на фронте. Постоянно какой-то подвох.

Андрей: – Сочувствую тебе. Мне проще.

Анна: – На все наплевать. Да?

Андрей: – Как ты узко мыслишь.

Анна: – Узко? Ну, да, ты-то у нас мыслишь широко. Интеллект девать некуда. Настоящий гений пера.

Андрей: – Официант! (машет рукой, чтобы позвать официанта).

Подходит официант.

Андрей: – Рассчитайте нас, пожалуйста.

Официант кивает, уходит.

Анна: – Это всё???

Андрей: – Посидим еще. Ты хочешь что-то?

Анна: – Нормальный мужчина сначала спрашивает женщину, хочет ли она еще что-то, а потом просит счет.

Андрей: – Все на столе... Салаты, горячее, вино, сладкое... Чай или кофе ты не пьешь. Что хочешь? Я закажу...

Анна: – Ты ничего не понимаешь. Ничего я не хочу.

Андрей: – Тогда не вижу проблемы.

Анна: – Ты не чуткий. Эгоист.

Андрей: – Я уже это слышал.

Подходит официант: – Вот ваш счет.

Андрей (сунул руку в карман за деньгами): – Боже мой! Я совсем забыл. Мне важное письмо сегодня утро передали ... Я совсем забыл о нем...

Достает из кармана письмо и портмоне. Расплачивается. Раскрывает конверт, начинает читать. Быстро прочитывает. Анна смотрит на мужа.

Андрей: – Извини, это очень важно. Я не могу ждать ни минуты. Письмо вчерашнее. Человек умоляет как можно скорее приехать... (смотрит на часы) Уже почти девять часов...

Анна: – То есть ты решил окончательно разрушить даже то, что еще осталось?

Андрей: – Аня, поверь, это ОЧЕНЬ важно... Мне надо бежать.

Быстро целует ее в щеку:

– Возьми такси...

Анна: – У тебя ВСЁ. ВСЕГДА. ВАЖНО. Кроме меня....

Андрей быстро выбегает из ресторана.

Картина седьмая

Квартира женщины X.

Андрей звонит в квартиру.

Из-за двери голос: – Открыто!

Он толкает дверь. Оказывается в темном коридоре, но в глубине комнат мерцает тусклый светильник. Там, в комнате, завернувшись в плед, полулежит женщина.

Женщина: – Андрей? Вы?

Андрей: – Да.

Женщина: – Входите. Не включайте свет. Да вы и не найдете его.

Андрей: – Я уже вошел... Только я ничего не вижу.

Женщина: – Идите на свет.

Андрей пробирается в комнату.

Комнату освещает очень тусклый светильник, лица женщина почти не видно. Освещен лишь маленький кусочек стола, где стоит светильник.

Женщина: – Осторожно. Не запнитесь. Там кресло. Нашупайте.

Андрей находит кресло. Садится.

Андрей: – Зачем такие странности?

Женщина: – Я вас не просто так позвала сюда. Вы понимаете?

Андрей: – Несомненно.

Женщина: – Послушайте меня. Когда сын был маленьким, он очень любил лежать и ждать, когда я приду и поцелую его в постели. Но этот ритуал был очень недолгим и он, и я подсознательно хотели, чтобы это прощание затянулось. Когда я уже уходила, он говорил мне «Поцелуй меня еще один раз». Иногда я сердилась, иногда оставалась. Иной раз это раздражало моего мужа. Он находил наше поведение нелепым. И это задевало сына. Когда сыну было десять лет, мой муж умер. Ничего особенного, таких, как я миллионы. Я растила его без отца.

Андрей: – Пойдите... Да мы же встречались с вами... Да? Ну, конечно. Я узнал Вас...

Женщина: – Мы были в лифте. Я написала вам письмо, потому что не могла звонить. Просто не в силах была что-то говорить. Я лишилась этой способности на какое-то время. Но взяла конверт, бумагу и написала вам то, что вы уже прочли. Иначе бы вас не было здесь. К сожалению, сегодня необычный вечер. Письмо вам передали только сегодня... Верно?

Андрей: – Да.

Женщина: – А я его принесла вчера. Но я подумала, что все в руках Господних. Не буду ничего менять. Я не считаю, что опоздала. Все случилось так, как должно было случиться. Мне был нужен совет. А теперь... Он мне ни к чему (пауза). Я хотела реализовать себя в семейной жизни – не успела. Муж рано ушел из этого мира. Хотела воспитать сына – не смогла. Не вернуть ни молодость, ни время.

Андрей: – Вы написали, что у вас есть важная и срочная информация об исчезновении девушки Веры. И что вам нужно посоветоваться. И вы знаете, кто ее убийца. Странно, конечно, что вы выбрали именно меня для этого. Почему вы не пришли ко мне на работу? Там бы мы и поговорили. Письмо же вы смогли донести.

Женщина: – Не смогла. Я донесла его только до охранника на первом этаже. У вас, там, невозможно поговорить. Суэта и множество ненужных ушей. Я находилась все эти дни в таком состоянии, что не могла ходить на работу. И не только на работу, а просто не могла выходить из дома. Ступор. Знаете, что это такое?

Андрей: – Знаю. Я слушаю. Я вас очень внимательно слушаю.

Женщина: – Влад был очень хорошим ребенком. Очень добрым. Все у него в жизни складывалось хорошо. Мне трудно сказать, в чем была моя ошибка и что я упустила. Но до последнего времени мне казалось, что никаких проблем у него нет. Молодой, красивый парень. И девушки у него были. Не понимаю...

Андрей: – Ваш сын Влад? Он друг Вериного приятеля?

Женщина: – Да. Как вы догадались?

Андрей: – Сложного в этом ничего нет... Я ведь был, признаюсь честно, в его доме за городом.

Женщина: – Это дом сына и моего брата. Они вместе строят. А что вы там делали? (удивленно-испуганно)

Андрей: – Я был там незаконно. Проверил его.

Женщина (взволнованно): – И что же вы там нашли?

Андрей: – Я был с приятелем, но ничего мы там не нашли.

Женщина: – Вы Влада в чем-то подозреваете?

Андрей: – Сестра Веры обратилась ко мне. Поскольку версию причастности вашего сына, извините, конечно... возможно, что вам это неприятно слышать... Никто не рассматривает эту версию. Ольга обратилась к нам, поскольку мы занимаемся журналистским расследованием этого дела.

Женщина: – Понимаю... Я не думала, что все именно так закончится.

Андрей: – Что закончится?

Женщина: – Я была в этом доме. Брат меня повез. Видимо, это было до вас. Вы там были когда?

Андрей: – Вчера я там был...

Женщина: – Вот как... А я три дня назад. Дело в том, что я с детства очень внимательна к мелочам. И я была там последний раз, когда еще и фундамента не было. Брат общался с рабочими, а я имела возможность изучить дом, очень внимательно... Мне было очень интересно, как он спроектирован и как он строится.

Андрей: – Вы там что-то обнаружили?

Женщина: – Сначала я подумала, что это ерунда какая-то. Ну, может быть Влад привозил туда кого-то... Или Фёдор. Мой брат. Но Фёдор женат, у него замечательная семья, и я не очень-то верю в это... Глупо как-то. Недостроенный дом. Я нашла там помаду. Женскую помаду.

Андрей: – Она у вас?

Женщина: – Она у меня. Но... дело в том, что я не могу выразить словами насколько ужасно мое состояние... Плохо от того, что я не знаю, как быть... Это мучительно. Это хуже любого одиночества. Принять такое решение...

Андрей: – Вы не хотели бы, чтобы на Вашего сына легла тень? Но зачем же вы позвали меня? Оставили бы все в тайне и все...

Женщина: – Понимаете, я считаю себя порядочным человеком. Тем более... Тем более, теперь, когда Бог дал мне такой выбор, такое испытание. Мне кажется, что мои ошибки, мои грехи, я искупаю именно так... Но почему так жестоко...?

Андрей: – Я не совсем понимаю... Как мать вы хотите, чтобы все осталось в тайне, но какие-то ваши принципы, понятия выше этого? И вам нужно сделать выбор. Как поступить?

Женщина: – Бог милосердный. Он помог мне, конечно. Немного... Вы мыслите верно. Но не принципы. Вера.

Андрей: – Если я покажу эту помаду Веринной сестре, она сможет дать ответ, стоит ли вам так мучить себя. Может быть, она вовсе не имеет никакого отношения... Ну, я не знаю...

Женщина-малыар выронила. Штукатур... Какая-то другая женщина... Кто угодно...

Женщина: – Нет, Андрей. Вы не знает самого главного...

Андрей: – Вы уже разговаривали с сыном об этом?

Женщина: – Да.

Андрей: – И что же он сказал об этом?

Женщина: – Я нашла там не только помаду.

Андрей: – Что же еще?

Женщина: – Вера была в этом доме. Понимаете?

Андрей: – Откуда такая уверенность?

Женщина: – Маленький кусочек цепочки. Крошечный.

Андрей: – Как же вы его разглядели? Это же невозможно. Да и что с того?

Женщина: – Случайно нашла. Если можно так сказать. Блеснул на мгновение. Я же ворона (усмехается). На золото у меня чутье. На лестнице, которая ведет в подвал.

А в самом подвале я нашла помаду.

Андрей: – Когда мы там были, он был закрыт.

Женщина: – Понятно, ключа же у вас нет. Брат показал мне, как они там все сделали. Внутри...

Андрей: – Брат знает о ваших находках?

Женщина: – Нет...

Андрей: – Так что же сказал сын?

Женщина: – Что он сказал? Какое это теперь имеет значение...

Андрей: – Не понимаю.

Женщина: – Андрей, вы мужественный человек?

Андрей: – Не знаю. А зачем вы спрашиваете?

Женщина: – Встаньте, пожалуйста, с кресла.

Андрей встает.

Женщина: – Помните, как вы прошли сюда...

Андрей: – Уже смутно...

Женщина (вытаскивает маленький фонарик из-под пледа): – Возьмите.

Андрей включает фонарик.

Женщина: – Найдите коридор. Слева ванная. Зайдите туда.

Андрей: – Это обязательно?

Женщина: – Думаю, что да...

Андрей отправляется в недоумении. Он находит ванную, открывает дверь. В ванной висит тело Влада.

Андрей: – Господи, Боже мой...

Возвращается в комнату. Он в шоке.

Андрей: – Господи, что же это...? Сколько он там висит уже?

Женщина: – Поможете мне снять его? Он повесился вчера, когда я относил письмо. Я не стала никого вызывать... Я вот так и сижу уже больше суток.

Андрей: – Я..Я... Даже не знаю, что сказать... Как же вы это пережили...

Женщина: – А я не пережила еще ничего. Он, кстати, оставил записку...

Андрей: – Что же там?

Женщина: – Там все печально... И ужасно. Просит прощения. Я вам ее отдам. Только что же мне делать дальше? Как быть? Это же и моя вина.. Что он получился такой... Веру он держал больше трех месяцев в этом доме.

Андрей: – И она была жива все это время?

Женщина: – Жива. Сначала он ее кормил, потом забросил, думал, что умрет от голода. Но она долго не умирала.

Андрей: – Зачем??? Для чего? А себя он почему убил?

Женщина: – Он рассказал мне... Не знаю, правда ли это или нет... Он и в записке написал все подробно... Хотел почувствовать себя сверхчеловеком. Он ведь обманул всех, манипулировал сотнями людей. Тысячами. Он властвовал над их умами. Я и не знала... Ницше был его любимым автором... Жутко? У меня Пруст, а у него Ницше. Но... нет, Ницше – это так... Ерунда. Баловство. Просто он смог доказать себе, ЧТО он. И КТО он. Я вскормила молоком чудовище. Понимаете? Чудовище. Вот этим выменем своим

(открывает плед, руками поднимает и показывает грудь, под пледом она обнаженная, резко закрывает)...

Да... Сняла с себя одежду. Омерзительно все... Хочется сжечь все, что на мне... Будто я выпачкалась вся в чем-то грязном, гадком и мерзком... Для него люди были просто подопытный материал... И он поставил свой главный опыт. Вера умерла недавно, и ее тело он утопил. Он ничего с ней не делал...

Просто сгноил в подвале. А чтобы она не двигалась, колол ей какие-то препараты... Зачем он себя убил? А что ему было делать? Он же сильный. Выше всех. Властвует над толпой. Над

стадом. Боже мой, ведь он всегда всех называл стадом... Кроме друзей. Все были для него пустым местом... А вы хотели бы, чтобы он убил меня? Я сказала ему, что отнесу свои находки в милицию. И что я не буду покрывать его. Зачем я так сказала? Хотела узнать правду. И что же...? Я знаю правду. Сын мертв, а эта правда убивает меня. Медленно и мучительно.

Андрей: – А ваш брат? Как Влад так долго держал там Веру?

Женщина: – Брат? Он был полгода в командировке. Деньги зарабатывал. Только вернулся. Так что дом был безо всякого присмотра все это время... И еще – Вера мешала его отношениям с другом.

Андрей: – Он был...? (вопросительно)

Женщина: – Нет, но почему-то он очень любил своего друга... Я не знаю, как это называется. Никаких интимных отношений у них не было.

Андрей: – Вы хотите, чтобы я написал ВСЕ об этом? Или оставил в тайне?

Женщина: – Вы же журналист, разве вы такую вкусную тему бросите? Просто, тогда в лифте, вы мне показались человеком, который сможет помочь... хотя и подтрунивали надо мной... Я не знаю, зачем я вас позвала... Не знаю. Просто такой порыв. Сиюминутный... А родители Веры должны знать правду...

Единственное – я не знаю, где ее тело.

Андрей: – Может быть милицию вызвать? Пусть сами снимают тело... Так положено.

Женщина: – Вот его записка... Вот мои находки. Делайте, что хотите. Только, пожалуйста, не сейчас...

Андрей: – Помилуйте, он со вчерашнего утра висит...

Женщина: – Ну и пусть висит.

Андрей: – Все-таки сын...

Женщина: – У меня неделю назад собака умерла. 14 лет прожили душа в душу.

Андрей: – Вы же просили меня помочь снять тело...

Женщина: – Вы правы. Пусть милиция снимает. Позвоните им. Только можно через час? Или через два... Я не готова никого видеть...

Андрей: – Вы бы оделись... Что ли...

Женщина: – Я не могу. Пока.

Андрей: – Записку стоит оставить тут. Мне все равно ее покажут. Потом.

Женщина: – Делайте, как вам угодно... Вы теперь знаете всю правду... Простите. Я больше не могу разговаривать. Прошу вас уйти.

Андрей: – Хорошо. Я ухожу. Можно я с фонариком пойду, я его в коридоре оставлю...

Женщина: – Конечно. Прощайте... Вот как оказалось...

Думала, что не встречу с вами, а все вышло по-другому...

Андрей: – Если нужна какая-то помощь...

Женщина (обрывает его): – Прощайте, Андрей...

Андрей: – До свидания...

С фонариком пробирается к выходу. Выключает фонарик перед дверью, открывает дверь и кладет фонарик на пол. Выходит.

Женщина встает. Делает несколько шагов по комнате, хватается за сердце: – Господи, прости... Теряет сознание и падает на пол.

Картина восьмая
(заключительная)

Сквер. Несколько дней спустя. На лавочке сидят Андрей и Женщина.

Женщина: – Андрей, не знаю вашего отчества...

Андрей: – Просто Андрей.

Женщина: – Я очень благодарна вам, что вы хоть как-то помогли мне.

Андрей: – Благодарить меня совершенно не за что. Чем я помог?

Женщина: – Все равно, вы не остались равнодушным.

Андрей: – Это всего лишь моя работа.

Женщина: – Вот Влада похоронили (удрученно). ...А молиться можно только дома. За таких в Церкви молиться нельзя. Но вы, наверное, не знаете самого главного...

Андрей: – Главного? По-моему, я почти все знаю в этой истории.

Женщина: – Нет. Не все....

Андрей: – Веру так и не нашли?

Женщина: – Не в этом дело. Я ведь была вчера в милиции. Я была там вместе с родителями и сестрой Веры. А после вызвали Сашу.

Андрей: – Опустили вещи Веры?

Женщина: – Да, но не совсем.

Андрей: – Что значит не совсем?

Женщина: – Эти вещи Вере не принадлежат.

Андрей (удивленно): – Как не принадлежат? Помада и цепочка не ее?

Женщина: – Родные не опознали.

Андрей (встает со скамейки): – Ничего не понимаю. Жуть какая. Ну, записка-то осталось. Там ведь все подробно написано.

Женщина: – Осталась, но...Разве кто-то знает наверняка, что там написана правда. Да же я не уверена...Влад был вместе с Сашей и Верой на киносеансе. Но они его не видели. И в тот вечер он остался у друзей. После фильма домой не поехал. Они подтвердили это.

Андрей: – А вы? Он, действительно, не ночевал дома?

Женщина: – Не ночевал.

Андрей: – Друзья могли и обмануть...А он был всю ночь за городом.

Женщина: – Не знаю. Только вот...(подает большую часть цепочки). Нашла дома. Это та цепочка, часть от которой я нашла...И это цепочка Влада.

Андрей: – Влада?

Женщина: – Я нашла фотографии. И говорила с Сашей. Он не стал это афишировать в милиции. Если хотите, я могу вам показать фотографии, но они остались дома.

Андрей: – Я вам и так верю. И что же там?

Женщина: – Там? Влад в женском платье. Его Саша фотографировал как-то раз. И цепочка эта его, и помада. Помаду он купил для фотосессии.

Андрей: – Нет никаких сомнений?

Женщина: – Увы...Нет. Саша настолько подавлен, что ему не до того, чтобы обманывать. И он не такой человек. Он потерял и подругу, и друга. Все в один год.

Андрей: – Вам, наверное, тяжело было прийти сюда?

Женщина: – Но я же пришла...

Андрей: – У меня в голове не укладывается. Это какая-то чудовищная мистификация. Зачем же он сделал это с собой?

Женщина: – Может быть, когда-нибудь мы узнаем об этом. Но сейчас все вернулось туда, откуда началось. Веру и Влада не вернуть. И что было на самом деле, никто не знает.

Извините, Андрей, что расстроила Вас. Мне и самой не по себе. Но...у меня есть надежда, что Влад не виновен.

Андрей (снова садится на скамейку): – А я уезжаю...

Женщина: – Надолго? Далеко?

Андрей: – Не знаю. Далеко. Туда, где я провел молодость.

Женщина: – Ностальгия?

Андрей: – Я просто надеюсь на чудо.

Женщина: – На чудо?

Андрей: – Можете смеяться надо мной, но именно так...

Женщина: – Зачем мне смеяться? Я ведь тоже надеюсь только на чудо.

Пауза.

Андрей: – Вечер какой хороший... Теплый.

Женщина: – Меня брат ждет в машине. Извините, Андрей, мне пора. До свидания. Надеюсь, что вы найдете там то, что искали.

Андрей пожимает плечами. Женщина встает со скамейки. Андрей продолжает сидеть. Он подавлен. Женщина уходит. Андрей сидит некоторое время неподвижно. Внезапно поднимается сильный ветер. Андрей встает и уходит.

Конец

Декабрь, 14, 2009 г.

Завещание

(криминальная драма-размышление)

Действующие лица:

Алекс, 45-46 лет,

Лия, 42-43 года, подруга молодости

Иосиф, 50 лет, отчим Нины.

Нина, 26 лет, с явными признаками маниакально-депрессивного психоза.

Байба, дочь Нины, 11-12 лет.

Лука, 45 лет, в очках, сильно пьющий меломан.

Охрана Иосифа.

Действие первое

Картина первая

Небольшая квартира в старом доме.

Обстановка небогатая, но все со вкусом. Хозяйка квартиры – заместитель прокурора. Мужчина сидит на стуле за столом, женщина напротив. Выпивают.

Лия: – А ты помнишь тот, самый первый раз?

Алекс (пауза): – Помню, разве я могу это забыть? Было 21 апреля... Только вот год ускользает. День рождения Роберта Смита.

Лия: – Вот как... Значит, это и день был непростой. Мне, пожалуй, спустя столько лет надо начать гордиться...

Алекс: – Ну, зачем ты иронизируешь? Я же просил прощения у тебя.

Лия: – Я что-то не помню такого. Рассказывай, мне интересно послушать твою версию спустя столько лет... Ты все-таки мой первый мужчина (усмехается).

Алекс: – Ну, раз тебе интересно... А что рассказывать? Мы выпили после занятий, гуляли. Было холодно, и как-то так получилось, что я остался один на улице. И пошел в общежитие. А там никого. И ты одна в комнате. В тепле я совсем голову потерял. Мне казалось, что ты хотела. И ждала этого давно.

Лия: – Ну, да, сидела и ждала, что придет пьяный Алекс и поимеет меня прямо на столе.

Алекс: – Да и я думал, что ты уже женщина...

Лия: – Да, мужчины полные идиоты. Я только школу закончила. У меня и парня не было никогда. Я кроме вас никого и не знала.

Алекс: – Даже крови не было.

Лия: – Ну, конечно. Только ты потом нашел ее на своих джинсах.

Алекс: – Совсем чуть-чуть. Да я не понимаю... У тебя столько было мужчин после меня. Ты была замужем. У тебя дочь. Зачем ты прошлое тревожить. Я раскаялся и искупил свою вину. Ты решила помучить меня?

Лия: – Ага... ты стал ходить в церковь и завел себе другую бабу. Мной попользовались и бросили. Я стала брошенной женщиной. В 17 лет. Не лицемер ли ты? Ты всегда к людям относился как к своим игрушкам.

Алекс: – Послушай, мы были молоды. Это ошибки молодости. Никогда я так не относился. Я очень переживал, что так вышло. Я ненавидел себя.

Лия: – Ты даже не поговорил со мной толком. Ты так любил себя, что даже ненавидел с удовольствием, наслаждался своими страданиями... А обо мне ты забыл. Я была, как ненужная кукла, брошенная в угол. А зачем тебе была нужна другая? Она же совсем тебе не подходила...

Алекс: – Так получилось. Я сам не знаю. Наваждение какое-то...

Лия: – И фигура у меня была лучше. И я ведь тебя любила. Ты был для меня всем. А потом взял и вычеркнул меня. Как резинкой с бумаги стер. И ты думаешь, что рана эта заросла? Что кто-то ее исцелил? И шрама не осталось?

Алекс (поражен): – Я не думал об этом...

Лия: – Да и зачем тебе это было нужно? Гормоны играли? Но тебе ведь и секс был нужен постольку поскольку. Побаловался?

Алекс: – Это была ошибка. Но она повернула мою жизнь в несколько другую сторону.

Лия: – Ошибка? В чем?

Алекс: – Я ведь не любил тебя. Просто ты мне была симпатична. Как сестра.

Лия: – Да... Сестра. И так ты с сестрой своей поступил? Молодец.

Алекс: – Не суди меня, строго. Мне сколько было? 20, 21.

Лия: – А другая? Ты ведь и ее бросил. Примерно так же... Да еще и в монастырь засунул.

Алекс: – Она сама ушла. Куда ей было деваться?

Лия: – Мне ты хотя бы не обещал жениться. И то хорошо. А ее ты обманул уже, как надо. Года два ты с ней жил?

Алекс: – Я не помню, стерлось из памяти. Просто ей домой возврата не было. Брат и его жена уголовники, наркоманы. Отец умер. Мать усыновила внуков. У нее был парень после меня. Он ее просто бил.

Лия: – Ужас какой-то. Ну, а ты разве ее любил?

Алекс: – Нет. Я не любил. Вы меня любили. А я искал взаимности, настоящей любви. Я думал, что если тебя кто-то любит, то и ты сможешь полюбить этого человека. Со временем. Но... Я ошибался. Моя любовь не тихий огонек, который сначала едва теплится, а потом разгорается в яркое пламя... Моя любовь сразу пожар.

Лия: – Надеюсь, что ты ее нашел?

Алекс: – Нашел.

Лия: – Я ты представляешь, что такое двадцать лет жить без любви, просто привыкнув. Ложиться в постель по привычке, говорить по привычке, куда-то ехать и что-то делать.

Женщина привыкает, но сердце-то не вырвешь и не выбросишь. Ты думаешь, ты один такой?

Алекс: – Это самое трудное. Найти свою любовь. Это путь падений и ошибок, иногда трагических. Иные не находят ее вовсе.

Лия: – Ты такой умный, как я погляжу. Рассудительный. Так спокойно обо всем говоришь. Видно, что у тебя все в порядке. Да? И сердце спокойно...

Алекс: – Как сказать...

Лия: – А я вот уже в разводе. Дочь выросла и все. Все кончилось в один момент.

Алекс: – А муж? Он тебя любил?

Лия: – Теперь это уже не важно. Может быть, 20 лет назад и любил. Он последние годы больше любил друзей и вино.

Алекс: – Ты знаешь, зачем я сюда приехал?

Лия: – Нет. Зачем?

Алекс: – Мне позвонил человек, и сказал, что хочет встретиться со мной. И это срочно. И, якобы, он воспитывал мою дочь.

Лия: – Дочь?

Алекс: – Но самое интересно, что у меня тут нет никакой дочери и быть не может. Ошибка какая-то.

Лия: – Не уверена.

Алекс: – Я был скромней, чем ты думаешь. Это совершенно нереальная история. Он сказал, что его жена умерла, а она мать его приемной дочери. А я, оказывается, отец.

Лия: – Он сказал, как ее зовут?

Алекс: – Зовут ее Елена. Но те Елены, которых я знал, не были моими подругами. Только у моих друзей... Может, он перепутал?

Лия: – И ты специально приехал? Ты тут 20 лет не был.

Алекс: – Не специально. Это было бы совсем глупо.

Лия: – А как?

Алекс: – Решил повидать друзей.

Лия: – А что произошло на вокзале?

Алекс: – Ерунда какая-то. Понимаешь, часа за три до конечной станции ко мне зашел проводник. Я ехал в спальном вагоне. Выкупил и ехал один. Так вот... Заходит проводник и просит, чтобы со мной до конечной станции, в моем купе посидела девочка. Была остановка и, вероятно, что там она и вошла. Что отец просит, чтобы кто-то присмотрел за ней. Ну, я говорю: «Пожалуйста». Мне кажется, что заплатил он хорошо проводнику.

Лия: – И что дальше?

Алекс: – Проводник приводит девочку лет двенадцати. Зовут Байба. Хороший ребенок, мы с ней проболтали все три часа. Чай пили, ели пирожные. У нее с собой были пирожные. А на станции ее должна была мать встретить.

Лия: – Байба? Необычное имя. Никогда не слышала.

Алекс: – Я тоже. Так вот... Приехали. Пока я с вещами возился, она мне сказала: «Пока», и убежала. Я выхожу на перрон. Ко мне подходит женщина и говорит: «Здравствуйте, где мой ребенок?» Я в полном недоумении. Она смотрит на меня: «Мне сказали, что вы ее сопровождаете..., где она?». Я поворачиваюсь к проводнику. Спрашиваю ее: «Вы девочку не видели?» Она отвечает: «Она ушла с мужчиной»... Мать или кто она девочке, я не знаю, начинает истерику: «Это ваш знакомый? Это он ее увел? Кто он?» Проводник ей: «Вы, успокойтесь, мужчина ни при чём». Она не успокаивается. Давай звать полицию. Ну, и что... Привезли меня к следователю. Я ему все объяснил. Вышел в коридор и столкнулся с тобой...

Лия: – Выходит, что если бы не это происшествие, мы бы не встретились?

Алекс: – Это стечение обстоятельств, и я бы сказал, что это что-то свыше...

Лия: – Ты серьезно?

Алекс: – Ну, а как иначе?

Лия: – А что ты думаешь про девочку? Что это? Похищение?

Алекс: – Бред какой-то. Я не знаю. Никаких мыслей нет. И мать у нее какая-то неменяемая. И вот, что странно – она ведь ушла спокойно с этим человеком. Даже как-то назвала его по имени. Проводник сказала. Но она не поняла. Не расслышала. Какая-то семейная история.

Лия: – И ты к ней никак не причастен?

Алекс: – Ты решила поработать вместо твоего коллеги?

Лия: – Просто профессиональный интерес.

Алекс: – Ну, сама подумай... Как я могу быть причастен?

Лия: – А с мужчиной этим ты встретился? Который звонил? Он тебе хотя бы телефон свой оставил?

Алекс: – Слушай, я совсем позабыл все из-за этой истории...

Конечно, нет. С вокзала в полицию, а из полиции – сюда...

(улыбается).

Лия: – Есть телефон-то?

Алекс: – Есть. И вот что странно...

Лия: – Что?

Алекс: – Мать этой девочки очень уж молодая... Ну, не старше 25. Может просто выглядит молодо? Но девочка на нее очень похожа. Словно одно лицо.

Лия: – Может быть. Интересно. Завтра узнаю, кто она такая. Думаешь, что она ее рано родила?...

Алекс: – Так показалось... Лия, ты скажи мне. Ты меня простила?

Лия: – Я давно тебе простила. Просто я думала, что ты меня стер из памяти навсегда. Как будто меня и не было никогда.

Алекс: – Это невозможно. Я не могу забыть, зря ты так...

Лия: – Прости. Старая обида. Так уж получилось.

Алекс: – Я не обижаюсь.

Лия: – А вы с ним договорились, когда ты ему позвонишь?

Алекс: – Да. Как приеду – вечером. А уже скоро вечер...

Лия: – А где ты собирался остановиться?

Алекс: – У Луки.

Лия: – Я думала, что он уехал в Австралию.

Алекс: – Так и не собрался. Но он не знает, что я приехал сегодня. Я ему сказал, что приезжаю пятого числа.

Лия: – Ты можешь остановиться у меня.

Алекс: – Не знаю, удобно ли это?

Лия: – Когда ты со мной спал – тебе было удобно. А теперь что? Стара?

Алекс: – Нет. Ты отлично выглядишь...

Лия: – Врунишка... Выгляжу я уже не отлично. Но за комплемент спасибо.

Алекс: – Ты, правда, хорошо выглядишь.

Лия: – А твоя жена? Она тебя будет ждать?

Алекс: – Она уехала. За границу. Приедет не скоро. Скорее, я вернусь и буду ее ждать.

Лия: – Она кто?

Алекс: – Она кинематографом занимается. Ассистент режиссера.

Лия: – Классно.

Алекс: – Не уверен, что это классно. Редко вижу ее последний год.

Лия: – Дети? Как моя, наверное? Учатся в университете?

Алекс: – Да. И сын, и дочь. Живут с нами... Лия, я не уверен, что мне тут будет удобно. Жена спросит, у кого я остановился. И что я скажу?

Лия: – Ты всегда говоришь правду?

Алекс: – Нет...

Лия: – Она точно ничего не будет спрашивать. Я знаю. Ну, не понравится, поедешь к Луке. Какие проблемы?

Алекс: – Никаких.

Лия: – Ты стихи пишешь? Или забросил?

Алекс: – Много работаю. Ничего не приходит пока...Лишь иногда.

Лия: – Помнишь, вы посылали меня за пивом?

Алекс: – За пивом?

Лия: – Ну, да. Алкаши девушку всегда пропускали без очереди. Вы давали мне 20 литровую канистру, а потом встречали меня за углом, чтобы никто не видел, но метров 30 мне приходилось нести самой. Пиво было разбавленным водой, поэтому эффекта особого не было.

Алекс: – Вспоминаю, было такое...

Лия: – А еще ты и Лука потащили меня в кинотеатр на Корриду любви. Лука бедный еле досмотрел до конца. И все это крупно, на большом экране. Сидел ногу на ногу перекидывал...

Развратили девочку.

Алекс: – Ты была уже на первом курсе. И мы тоже. Правда, мы вернулись из армии. Лия, я был сразу против, чтобы ты жила у нас...Потому что знал, что рано или поздно, кто-то с тобой переспит.

Лия: – Ну и ты, чтобы не затягивать, решил, что лучше всего, если это будешь ты... (смеется)?

Алекс: – Знаешь, просто мы больше всего времени проводили вместе. И привязались друг к другу...Но идея была чудовищная. Трое молодых людей и девушка жили в одной комнате. Правда, задумка была, что ты будешь нам, как сестра...Я был против. Но куда мне было деваться?

Лия: – Я тоже была дурой. Все было интересно. Познавала жизнь. Новую и свободную. И я ведь согласилась... Моя вина в этом тоже есть.

Алекс: – Твоей нет.

Лия (пожимает плечами): – Глупо все вышло.

Алекс: – Мне надо позвонить Иосифу.

Лия: – Кому?

Алекс: – Ну, тот человек, который хочет со мной встретиться.

Лия: – Вон телефон.

Алекс вытаскивает записную книжку. Набирает номер.

Трубку берут не сразу.

Иосиф: – Да. Я вас слушаю.

Алекс: – Добрый вечер. Это Алекс. Помните, вы звонили мне?

Иосиф: – Алекс, да. Конечно, помню и жду вашего звонка. Как вы доехали? Все благополучно?

Алекс: – Почти.

Иосиф: – Что-то не так?

Алекс: – Все в порядке. Просто недоразумение небольшое.

Иосиф: – С вами?

Алекс: – Со мной.

Иосиф: – Вам давно надо было приехать. Навестить родных.

Алекс: – Иосиф, вы что-то путаете, у меня нет тут никаких родных. Тетка есть, но ей больше 70, и я давно с ней не поддерживаю отношения.

Иосиф: – Речь не о тетке. О вашей дочери. Приезжайте и поговорим.

Алекс: – Сейчас?

Иосиф: – Да, можно сейчас.

Алекс: – Не поздно?

Иосиф: – В самый раз. Запишите адрес.

Алекс (вытаскивает ручку из кармана): – Пишу.

Иосиф: – Морской проспект, дом сто один.

Алекс: – А квартира?

Иосиф: – Это дом. Мой дом. Понимаете?

Алекс: – Извините. Понял. Сейчас вызову такси и подъеду.

Иосиф: – Я вас жду. Постарайтесь не задерживаться.

Алекс: – До встречи.

На другом конце положили трубку.

Алекс (обращается к Лии): – Говорит, чтобы я приехал сейчас.

Лия: – Может мне с тобой съездить?

Алекс: – Зачем тебе это? На ночь глядя куда-то ехать. Лия, будь дома, если что, я тебе позвоню. Отдыхай. Чего это ты разволновалась?

Лия: – Завтра суббота. Давай поеду. Не нравится мне этот Иосиф. Чувствую, что нехорошая эта история какая-то.

Алекс (настороженно) : – Думаешь?

Лия: – Не думаю, просто на сердце как-то не так. Не по себе.

Алекс: – Не будь мнительной. Я долго не задержусь.

Лия: – У меня ведь машина. Мы сюда на чем приехали? Забыл?

Алекс: – Отлично. А я думал такси брать.

Лия: – Мужчины такие идиоты (смеется).

Алекс: – Ну, так уж и быть. Поехали. Но ты меня подождешь в машине. Договорились?

Лия: – Без вопросов.

Лия и Алекс собираются и выходят из комнаты.

Картина вторая

Дом Иосифа. Старинный особняк в конце проспекта, с видом на море. Небольшой, но солидный, ухоженный дом. Лия остановила машину не около дома, а метрах в пятидесяти от дома. До дома Алекс добирался пешком. Дом окружен старинным забором. Алекс звонит в звонок рядом с массивной калиткой. Дверь открывается автоматически. Он входит во двор дома и, пройдя буквально десять метров, оказывается перед дверью. Толкает ее. Она открыта. Внутри дорогой интерьер в духе классицизма. Алекс входит в дом. В большой гостиной в массивном кожаном кресле сидит Иосиф. Седой мужчина в дорогом халате. Выглядит несколько старше 50 лет. На столике рядом с креслом стоит коньяк и две коньячные рюмки.

Алекс: – Добрый вечер. Я Алекс.

Иосиф (встает с кресла) протягивает руку: – Добрый вечер.

Алекс пожимает руку.

Иосиф: – Присаживайтесь.

Алекс садится в такое же кресло напротив.

Иосиф: – Это все онкология. Не щадит никого. Рак съедает человека, высасывает из него все, оставляя лишь оболочку. Разве что душу не убивает. Хотя иной раз и душу убивает.

Страшное зрелище. Вы такое видели?

Алекс: – Извините, не понял...

Иосиф: – Елена. Я про Елену. Вспоминала вас перед смертью. Правда, трудно ей было. Умирала тяжело. Не знаю, почему. То ли Бог ее чистил перед смертью, то ли испытывал. Страданиями ведь душа очищается. Лена мужественно все принимала. Даже священник сказал на отпевании, что она, скорее всего в раю. Она ведь перед самой Пасхой умерла. В Великую Субботу. Говорят, что те, кто верит и умирает на Пасху – сразу в рай. Знаете об этом?

Алекс: – Знаю. Мне очень жаль, что ваша жена умерла. Но я ведь не знал ее.

Иосиф: – Ну, как же не знали. Даже спали с ней в молодости. Дочь зачали. А я вот воспитывал ее. И мать ее лечил. В люди ее вывел. Я имею в виду, Лену. Она ведь без работы была после университета. Почти нищенствовала. Едва на еду хватало. Да еще и с ребенком на руках. Жила в коммуналке. Родители умерли. Все плохо было. Дочь, правда, ваше семя. Много страданий от нее претерпели. И я. И Лена. Я преподавал, и Лену помнил на первом курсе. Потом во власть пошел, потом крупный бизнес. Случайно ее на улице встретил. Не поверите. Все на машине, да на машине. А тут к старому другу заехал. Пошли с ним на набережную, воздухом подышать. Вижу Лену с коляской... И все. Какая-то вспышка. Она очень уж хороша была. Влюбился. Как мальчишка. На следующий день перевез ее из коммуналки. Да у нее и вещей особо не было. Так...

Алекс: – Иосиф, извините, конечно, это все очень интересно, но нельзя ли прояснить ситуацию...

Иосиф: – Интересно тебе? Да? Я на «ты» буду, не против?

Алекс: – Не против.

Иосиф: – А что должен разъяснять? Нина – твоя дочь, Лена – могла бы быть твоей женой.

Алекс: – Постойте. Покажите мне хотя бы фотографию этой Елены.

Иосиф: – Сколько угодно.

Открывает альбом с фотографиями с массивной обложкой. Подает Алексу:

– Вот, смотрите. Тут разных лет. Я специально к твоему приезду подобрал. Тут и молодая она есть.

Наливает себе и Алексу коньяк.

Алекс (берет альбом): – Я не любитель коньяка.

Иосиф: – Можешь не пить.

Алекс рассматривает с интересом фотографии. Недолго. Кладет альбом на стол.

Иосиф: – Узнал?

Алекс: – Печально это все. Вы будете удивлены... Я узнал вашу супругу, но хочу вас все-таки огорчить. Я с ней виделся последний раз, когда я учился на 4-м курсе. И она совсем не нищенствовала. Она заехала к нам на новом авто и выглядела великолепно. И про детей она ничего не говорила. Более того, мы с ней общались, как друзья. И лишь на первом курсе. Она была настолько нежное и прекрасное наивное дитя, что ни у кого и мысли не было, что с ней можно переспать... Без всякой любви. Просто так. С такой девушкой, обычно, спят первый раз в первую брачную ночь. После свадьбы. Так вот. После первого курса, я ее не видел три года. Та встреча, спустя 3 года, была последней.

Иосиф: – Ну, иногда и одной встречи достаточно.

Алекс: – Побойтесь Бога. Мы были с другом, когда она приехала. Мы тогда совсем ушли с головой в учебу и религию, и выглядели довольно странно для студентов. Мы скорее были похожи на студентов-семинаристов. А она уже сильно изменилась. Она уже была не такой наивной и милой девочкой. Такая жесткая и уверенная в себе. Почти бизнес-леди. Она, конечно, была шокирована... Впрочем, я тоже. И разговора не вышло. Никого она в общегитии не нашла из старых знакомых, кроме нас. Было лето, и все уехали на каникулы. Так что заехала она неудачно. И все. Почему она сказала, что отец ее дочери я – для меня загадка. Вы мне верите?

Иосиф: – Нет. Не верю. Она говорила, что ты будешь извиваться, как уж. Юлить. Не люблю я таких.

Алекс: – А я не люблю, когда со мной так разговаривают. Я говорю правду. Хотите – платите деньги, можно сделать экспертизу. Генетическую.

Иосиф: – Экспертизу говоришь... Может и сделаем. Если надо будет.

Алекс: – Я не пойму, что вы от меня хотите? Ну, допустим, ваша дочь – это моя дочь. И что дальше?

Иосиф: – И что ты настолько черств, что тебе все равно? Ты что законченный негодяй?

Алекс: – Я бы попросил вас подбирать слова.

Иосиф: – Мать твоей дочери умерла в мучениях. То, что у тебя есть родная дочь – тебе нет никакого дела. Ты и не рад даже. Как назвать такого человека? Подлец и негодяй.

Алекс: – Мне очень жаль, что так все случилось. И Лену я вспоминаю, как замечательного человека. Я надеюсь, что она такой и осталась до самой смерти. А та неудачная встреча – просто неудачная встреча. Но я не отец... Как вы сказали ее зовут? Нина?

Иосиф: – Нина.

Алекс: – Я ей не отец.

Иосиф: – А еще есть внучка. Тоже не интересно?

Алекс: – Внучка? Лене сколько было лет, когда родилась Нина?

Иосиф: – Ей было 19 лет.

Алекс: – Выходит Нине 26?

Иосиф: – Да.

Алекс: – Она замужем?

Иосиф: – Заинтересовался? Признал?

Алекс: – Я ничего не признал. Мне кажется, что мне лучше отсюда уйти.

Иосиф: – Тебе что мой дом не нравится? Не уютно?

Алекс: – Не уютно.

Иосиф: – Тебе от подлости твоей неуютно.

Алекс: – Да почему вы так уверены, что это все, правда?

Иосиф: – Лена перед смертью мне это рассказала. Не могла она обмануть меня в такой момент. Понимаешь?

Алекс: – Может, она в бреду это сказала?

Иосиф: – И имя, и фамилию. И город, откуда ты. И не один раз.

Алекс: – А найти мои координаты было делом техники?

Иосиф: – Верно. Наследил ты везде.

Алекс: – Иосиф, скажу откровенно. Мне не нравится эта история совсем. Я вам сказал правду. Клятва вам нужна? Я клятвы не даю. Если вам понадобится моя персона для генетической экспертизы – я к вашим услугам. Звоните. Я согласен поучаствовать в этом.

Иосиф (срывается): – Да причем тут твоя экспертиза... Я тебе о чувствах человеческих, а ты мне что несешь?

Иосиф встает с кресла. Нервно ходит. Закуривает.

Алекс: – Вы не нервничайте так. Какое вам-то дело до меня?

Иосиф: – Ты память моей супруги оскорбляешь. Ты это понимаешь?

Алекс: – Нет, не понимаю. Как ВЫ понять не можете, что я не лгу? Ну, подумайте... Зачем мне врать? Неужели бы я не был рад своей дочери?

Иосиф: – Откуда мне знать? У тебя ведь семья, дети. Не хочешь их нервировать. Репутацию свою портить...

Алекс: – Моя жена меня бы поняла. Но у меня нет никакой репутации, и портить мне нечего.

Иосиф: – Ловко устроился.

Алекс: – Странно, что вы так настойчивы.

Иосиф: – Неужели? Настойчив? Набить бы тебе морду...

Алекс: – И что это изменит?

Иосиф: – Получу моральное удовлетворение.

Алекс: – Я к вашим услугам. Это все, зачем я приезжал к вам?

Иосиф: – Елена оставила завещание.

Алекс: – Даже так?

Иосиф: – Да.

Алекс: – Насколько я понимаю, вы ее содержали. Какое же она могла составить завещание?

Иосиф: – Она тоже работала. У нее был свой бизнес. Половина по завещанию – дочери. Половина – тебе.

Алекс: – Что? Это шутка такая? А вы, выходит, остались не с чем? (усмехается)

Иосиф: – Это правда. Хочешь посмотреть?

Алекс: – Нет, не хочу.

Иосиф: – А хочешь знать, какая сумма?

Алекс: – Зачем мне чужие деньги? Тем более я к ним не могу иметь никакого отношения.

Иосиф: – Ты дурак, что ли? Я позвал тебя, чтобы выполнить последнюю волю своей жены. Сообщить тебе, что Нина твоя дочь и зачитать завещание. И, конечно, выдать тебе нужную сумму. Просто я надеялся, что ты человек. А ты – так... Говно на палочке.

Алекс: – А набить морду – это тоже ее последняя воля?

Иосиф: – Ты еще насмехаешься? (сжимает кулаки)

Наверху слышен какой-то сильный стук. Будто кто-то заперт и стучит в дверь.

Голос девочки. Но он плохо слышен в гостиной. Плач и крик. «Дедушка, открой!»

Алекс встает с кресла. Иосиф немного испуган и взволнован.

Алекс: – Кто это? Кто-то стучит. Просит выпустить...

Иосиф: – Это никто. Не твоего ума дело.

Алекс: – Мне кажется, что это ребенок...

Иосиф: – Ты сиди, где сидишь и слушай.

Алекс: – Это ваша внучка?

Иосиф: – Тебе-то что?

Алекс: – По-моему, она плачет. Она заперта.

Иосиф: – Ты не лезь, куда не надо.

Алекс: – Я хочу увидеть свою внучку.

Иосиф: – Вот как заговорил? Денег захотел? Да ты их и так получишь.

Алекс: – Выпустите ребенка. Она плачет.

Иосиф: – Она заперта, чтобы нам не мешать.

Алекс: – Что за странное отношение к детям? Она нам не мешает.

Иосиф: – Нашему разговору мешает. Ты чего тут из себя строишь? Это не твоя внучка. Ты же сам мне сказал.

Алекс: – Откройте дверь. Немедленно.

Иосиф: – Ты в моем доме мне приказывать вздумал? Негодяй...

Алекс: – Выпустите девочку (жестко).

Иосиф: – Да пошел ты. Сядь. И слушай завещание.

Алекс пытается подняться наверх. Иосиф хватает за руку. Алекс легко освобождает руку и пытается подойти к лестнице. Иосиф набрасывается на него со спины. Алекс тренированным движением освобождается и толкает Иосифа. Тот неловко падает, запутывается в халате. И при падении задевает виском край квадратного стола. Удар получается очень сильный. Алекс не оборачивается. Поднимается наверх. Ребенок заперт в какой-то нише. Что-то вроде чулана. Это не комната.

Голос из-за двери: – Откройте. Прошу вас, откройте (детский плач).

Алекс: – Сейчас. Погоди.

Он спускается вниз и видит, что Иосиф не двигается. Он лезет рукой в карманы халата, находит там ключ. Трогает Иосифа за шею, чтобы проверить пульс. Иосиф как будто мертв. Глаза полуоткрыты. На виске кровь. Алекс в шоке. Он подхватывает тело под мышки и оттаскивает его за кресло, чтобы ребенок не увидел. Быстро поднимается назад. Открывает дверь.

Заплаканная девочка – это Байба, с которой он ехал в поезде. У нее разбита губа и синяк под глазом. Она плачет.

Байба (всхлипывая): – Дядя Алекс?

Алекс: – Байба? Ты что тут делаешь?

Байба: – Это дом моего дедушки...

Алекс: – А что с тобой? Не плачь (достаёт платок и вытирает слезы).

Байба: – Он забрал меня на станции. И бил меня.

Алекс: – За что? Зачем?

Байба (рыдает): – Не знаю...

Алекс: – Пойдем отсюда. Быстро.

Байба: – Я к маме хочу.

Алекс: – Поедем к маме, не бойся. Побежали.

Спускаются вниз, Алекс берет завещание со стола, сворачивает и прячет в карман, выходят из дома.

Алекс: – Ты знаешь, как открыть калитку?

Байба подходит к стене, нажимает кнопку. Калитка открывается.

Алекс: – У дедушки есть охрана?

Байба: – Не знаю. Раньше была.

Алекс: – Бежим быстрее.

Алекс и Байба бегут к машине. Подбегают.

Алекс открывает двери, усаживает Байбу на заднее сидение.

Лия: – Что случилось? Что за чертовщина?

Алекс: – Гони. По-моему, у него там куча видеокамер.

Картина третья

Домик у моря.

Лия, Байба и Алекс сидят на улице. Рядом с домиком.

Байба: – Дядя Алекс, а когда вы меня отвезете к маме?

Алекс: – Байба, я думаю, что мама сама приедет сюда. Завтра тетя Лия поедет в город и привезет ее.

Байба: – А почему мне нельзя к ней поехать?

Алекс: – Вы завтра уедете вместе с ней. Так тебя устроит?

Байба: – Устроит.

Лия: – Хорошо, что аптечка в машине есть. Рану на губе обработали.

Алекс: – Байба, почему он тебя бил?

Байба: – Не знаю. Он давно стал очень злой. Как бабушка умерла. А бабушка была доброй. Но раньше он меня не бил. Только орал. Мы с мамой с ним почти не общались.

Алекс (достаёт из пакета яблоко): – Яблоко хочешь?

Байба: – Хочу, но не могу. Губа болит.

Лия (обнимает девочку, целует в голову): – Бедный ребенок. Я уеду, ты, пожалуйста, не забывая обрабатывать рану (к Алексу).

Алекс: – Хорошо.

Байба: – Еще он говорил, что бабушка оставила нам много денег, но получим мы их только через год.

Алекс: – Ясно. Лия, вот бумага, которую я взял в доме. Посмотри ее.

Лия: – Бумага?

Алекс (делает знаки глазами): – Ну да. Почитай.

Лия поднимается, отходит. Читает завещание.

Лия: – Это не подлинник. Копия. Подлинник у нотариуса вероятно. В любом случае, надо мать Байбы искать.

Байба: – Да зачем же ее искать. Я знаю телефон. Позвоните и все.

Лия: – Тут сотовый не берет. В городе позвоню. Говори номер. И адрес.

Байба: – 455-55-70. Зеленая улица, дом 10. Квартира 2.

Лия забивает информацию в свой телефон.

Лия: – Если все будет хорошо, то завтра я вернусь с ней.

Байба: – Это замечательно... А мой телефон остался у дедушки (грустно).

Алекс: – Ты посиди, нам надо с тетей Лией поговорит.

Отходят в сторону.

Лия: – Неужели он мертв?

Алекс: – Похоже, что мертв. Меня трясет до сих пор. Хорошо, что ты ждала нас далеко от дома. Я так и не понял, есть там охрана или нет. Но камер там море.

Лия: – Я тебе привезу одежду другую из города. Они проверят его звонки, как только найдут тело. Тебе же он тоже звонил?

Алекс: – На сотовый – да. Один раз звонил. Я ему сам его дал.

Лия: – Рано или поздно выйдут на тебя. Тебе надо уезжать. Может, я отвезу Байбу к матери сегодня, а тебя завтра в аэропорт?

Алекс: – А если матери нет дома? Ты представь, что ты привозишь к ней избитого ребенка. Она же не в себе. Я ее на станции видел. Истеричка.

Лия: – А если сюда привезу, ей будет веселей?

Алекс: – Ну, не знаю. Знает ли Нина о существовании завещания? Вот, что важно. Мне кажется, ее мать не просто так меня вписала туда и обманула мужа с моим мнимым отцовством. В любом случае тебе нужно найти ее и поговорить.

Лия: – Так ты все-таки не отец?

Алекс: – Нет, не отец. Я посмотрел фотографии. Я ее знал, но это даже дружбой назвать было нельзя. Просто знакомство.

Лия: – Я ее видела? Знаю?

Алекс: – Возможно. Но мне кажется, что все-таки нет.

Лия: – Как выглядит?

Алекс: – На первом курсе или перед смертью?

Лия: – В молодости, зачем мне знать, как она выглядела перед смертью?

Алекс: – Помнишь, такая она была вся наивная, веселая. Милая такая девочка. Светлая, небольшого роста. Она даже немножко кругленькая была. Пухленькая. На третьем этаже жила.

Лия: – Смутно, но что-то припоминаю. Вроде вы с ней редко общались.

Алекс: – Редко.

Лия: – Интересно, зачем же она соврала?

Алекс: – Я хочу разобраться... Но вот надо ли? По идее нужно бежать отсюда. И как можно скорей.

Лия: – Но на камерах будет видно, что ты не виноват.

Алекс: – Ты не знаешь нашей системы правосудия? Да и что там будет видно? Что я толкнул его, он упал и умер? Звук-то, скорее всего, там не пишется.

Лия: – Да, дело будет громкое. Я, думаю, что в понедельник я буду знать все.

Алекс (обнимает Лию): – Спасибо тебе. Чтобы я без тебя делал?

Лия: – Уже бы сидел в изоляторе (улыбается).

Алекс: – Так быстро? (улыбается)

Лия: – Ну, сегодня вполне бы уже мог. Или прятался бы у меня дома. Боюсь, что у Иосифа есть охрана, и у них есть информация о тебе. Он не последний человек в нашем городе.

Алекс: – Почему же они не отреагировали?

Лия: – Он мог отпустить их в этот день. Он ведь внучку похитил на вокзале. Не пойму, я только, зачем ему это... Какие-то странные поступки. Будто он мстил и дочери, и внучке...

А зачем ему лишние свидетели? Какая бы охрана не была бы преданная, но это чужие глаза.

Алекс: – А камеры? Они же все пишут.

Лия: – Я так понимаю, наверху камер нет. Ну и что такого, приехал дедушка с внучкой. Никто же не видел, что он ее бил и запер в чулане. Эх, Алекс, ну ты и вляпался...

Алекс: – Мне кажется надо ехать на машине. Никакого аэропорта. У меня на поезд куплен обратный билет, но, видимо, он уже пропал. Рисковать я не буду. Хотя твои товарищи вполне могут работать не так быстро, как могли бы. Может этого Иосифа никто и не нашел до сих пор. А если билет обменять на поезд, и уехать завтра? (задумывается)... Нет, я все-таки останусь. Пока ты мать не привезешь, и все не выяснится окончательно.

Лия: – Хорошо. Давай так.

Возвращаются к девочке. Она сидит и играет камушками.

Байба: – Тетя Лия, а это чей дом?

Лия: – Это папы моего. Он уже старенький очень. Он тут рыбачил.

Байба: – Это дача?

Лия: – Вроде и не дача. Просто рыбацкий домик. Тут и не растет ничего. Сама посмотри. Море да скалы.

Байба: – А тут есть свет?

Лия: – Электричество? Нет, Байба. Тут есть газовый баллон. Можно готовить. А света нет. Вечером темно. С фонарем надо ходить.

Алекс: – Байба, а как тебя мама зовет? Ласково?

Байба: – Байбочка или Баюшка.

Алекс: – А маме сколько лет?

Байба: – 26.

Алекс: – А тебе ведь 12?

Байба: – Будет скоро. Пока 11.

Лия и Алекс переглядываются удивленно. Лия разводит руками.

Алекс: – Мы же что-то купили, Лия? Поесть.

Лия: – Да, я чуть попозже приготовлю и поеду назад. Холодильника тут нет. Но есть ледник. За домом.

Байба: – А что такое ледник?

Лия: – Это как погреб. Только там лежит кусок льда.

Байба: – И он не тает летом?

Лия: – Я тебе его покажу. Не тает (улыбается).

Алекс: – Плохо, что тут телефон не берет...

Лия: – Может быть, все-таки это не так плохо?

Алекс: – Получается, что вся связь через тебя. Может, Луке позвонишь?

Лия: – Я не думаю, что стоит ему звонить. В крайнем случае, если что-то изменится, или нужна будет помощь – позвоню.

Алекс: – Ты постарайся отыскать Нину. Если получится, то сегодня.

Лия: – А как иначе?

Алекс: – Ты адрес запиши.

Лия: – Я уже записала.

Байба: – А можно ледник посмотреть?

Лия: – Пойдем, покажу (берет Байбу за руку). Идет к углу дома. Открывает крышку.

Лия рассказывает о леднике. Байба слушает.

Алекс вытаскивает копию завещания и читает. Удивленно читает выборочно вслух (негромко):

– Я, Елена Барт...завещаю...половину своего состояния...которое находится на счете Центрального Государственного банка номер 407 081 1507 1969 и составляет на 1 июля сего года один миллион триста тридцать четыре тысячи долларов...Сколько? (удивленно-скептически)...

Возвращается Лия и девочка.

Алекс (приглашает отойти в сторону): – Лия, ты на сумму обратила внимание?

Лия: – Обратила. Только уже забыла.

Алекс: – А ты посмотри сюда внимательно (показывает графу в завещании).

Лия: (смотрит): – С ума сойти...Близок локоток, да не укусишь.

Алекс: – Ты думаешь, я от этих денег голову потеряю?

Лия: – Они твои. По закону. Вот только как ты их получишь? Сдаваться надо, и нанимать хорошего адвоката. Что думаешь?

Алекс: – Я так делать не буду.

Лия: – С такими деньгами дело выигрышное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.